

ГЛАВА II.

Новый этап колониальной политики на Дону связан с расцветом торгового капитала эпохи Петра I. Если в XVI-XVII вв. основной задачей колониальной политики Московского государства являлась борьба за персидский рынок и за торговый путь по Волге, то в XVIII в., хотя эта борьба и продолжается, центр тяжести переносится в борьбу за Азовское и Черное моря.

Еще Юрий Крижанич советовал „наредить одно торговиче на Дону, супроть Азову для торговли с турки“. Но все дело заключалось в том, что „Торгование азовское и черноморское... то держат обседно (т. е. около сидя, во владении) крымцы“. В поисках выхода к морю взоры Петра, т. е. торгового капитала были устремлены на юг. Россия владела Азовом лишь до 1711 г., но затем вынуждена была уступить его Турции, и лишь в 1739 г., Азов окончательно перешел в руки России. Но Россия не имела права содержать суда на Черном море и торговала при помощи турецких судов. Черкасск в это время представлял торговый центр, куда съезжались турки, греки, армяне, в Крым сбывался холст, пенька, канаты и кожа.

Эта борьба заканчивается территориальными приобретениями на Северном Кавказе, а именно: продолжением завоевания восточной части Кавказа и распространением русских владений до Кубани присоединением Крыма и в 1774 г.—важнейшей для помещичьего землевладения победой—правом свободного прохода русских судов через Дарданеллы. Черное, как и Каспийское, море превратилось в русское „озеро“.

После заключения с Турцией мирного договора, по которому Россия получила право свободного выхода через Дарданеллы, богатейшие земли юга России послужили объектом расхищения. Русская пшеница получила более короткий путь на заграничный рынок. Расхищение земель на юге России, в частности, на Дону, и оформление крепостного права в этот период на юге России непосредственно связаны с иностранным рынком. Таганрог становится одной из важнейших гаваней, откуда вывозится икра,

коровье масло, хлеб, который в XIX веке занимает важнейшее место в экспорте.

Эта столетняя, почти непрерывная, война постоянно требовала вооруженных сил. Отдельного отряда в несколько тысяч человек, каким являлось войско Донское в XVI-XVII в.в., здесь было недостаточно. На пути колониальной политики, которая во второй период приняла характер борьбы за территорию, стояло туземное население — крымцы, ногайцы и далее, на Кавказе, „горцы“. Необходимость в постоянной вооруженной силе заставляла правительство, с одной стороны, окрестничивать, т. е. сажать на землю военные части, с другой стороны, оказывать притекавшее сюда отовсюду население путем возложения на него обязанностей военной службы и других военных повинностей. На Дону в этот период мы видим уже не военный отряд, преграждающий путь по Дону от Азова, не морских пиратов — пиратство кончилось после перехода Черного моря в русские руки, а прикрепленное к земле население, занятое промыслами, ведущее скотоводческое хозяйство, а затем земледельческое, поставляющее кадры нерегулярного войска.

История Дона превращалась в историю войска Донского при помощи очень простого приема; население, казачество и войско донское отождествлялись. Между тем эти понятия различны: как по объему, так и по содержанию, они далеко не совпадают. Казачество, как мы увидим дальше, составляло лишь часть населения Дона, а войско Донское формировалось не только из Донского казачества, но из самых разнообразных элементов. Правда, это трудно освоить, но бывали и такого рода случаи, когда казак приобретал на Дону оседлость лишь после службы в войске.

Другой вопрос, который требует пояснения, это — вопрос о территории Дона. Границы, существовавшие до революции в области войска Донского, установлены лишь в 1793 г. жалованной грамотой Екатерины II. Сама по себе эта жалованная грамота явилась результатом почти столетней борьбы донских старшин, превратившихся в донское дворянство, за право на монопольное расхищение территории Дона, а границы установлены в результате этой же борьбы, они, так сказать, „ограничили“ аппетиты разорившегося дворянства центральной России, расхищавшего в эпоху Екатерины II богатейшие земли юга. В конце XVII и в начале XVIII веков казачьи юрты простирались до Бахмута и до Новохоперской крепости, построенной на месте разоренных казачьих городков.

В 1700 г. Петром I была образована Азовская губерния, в которую, наряду со слободскими полками, вошла и территория, на которой было расположено войско донское. На юге гра-

ницы России не отличались особой определенностью: по договору с турками граница отстояла от Азова на 10 часов конной езды. В дальнейшем, в течение XVIII века, войско Донское несло службу „на линии“, где содержало постоянные гарнизоны.

До самого конца XVIII века Дон являлся ареной борьбы с „закубанскими“ татарами, как стали называть ногайцев, и калмыками, которые порой переходили на сторону Турции. Эта борьба далеко не носила идиллического характера. Вот что писал царю в своей жалобе калмыцкий владделец Габун Шарап в 1804 г.: „По.... калмыков приходе в протекцию Российской державы дед наш, калмыкской владделец Бододжав, принявший веру греческого исповедания и удостоенный быть тогда восприимницею блаженной и вечно достойной памяти императрицею Елизаветою Петровною купно с прочими единоверцами своими обитали при реке Волге в пространстве степи никем тогда не занимаемой, потомки коего, видя междоусобную вражду разными отгонами, захватами и набегами друг на друга по кончине Аюки хана при сыне его Церен Дундуке возродившейся внук сего последнего наконец учинил измену монаршему престолу уходом в китайскую сторону, уклонился он от Бододжава до того случая в места Донского войска с малым числом подвластных своих, оставя прочих по расстройству их в руках мятущихся владельцев не быв в том соучастником, перешед за реку Дон, недолго он и потомки его, Всемиловейший государь, спокойно обитали, поелику встретились им от образа управления донцов утеснение, причиняемое на совершенное разорение их яко иноверцев не имеющих силы и могущества сопротивляться от руки сильных, причисленны были к Донскому правительству, где отправляли наравне службу вашего императорского величества сохраняем и мы теперь вместе с ними верность нашу невреждимо. Тщетно наконец искали мы ходатайства означенного правительства, наград нам от монаршего престола за различные походы наши в Крым и противу закубанцев неоднократно производимые и как бы в воздаяние сих лишены положенного жалованья и провианта до ныне нам все года производимого, утеснены от них же в скотозаведении нашем водворением хуторов их на кочевые места наши противу пространства степей несоответствующих числу скотозаведения причиняющих крайнею нам гибель и истребление оного, сколько от утеснения выгонов, столь наиболее в наглостях производимых ими на совершенное разорение нас и подвластных наших, наравне пользовавшимися милостию и щедротами вашего императорского величества и состоящем в совершенном рабстве под игом их стоящие без всякой защиты и ограждения тамошним правительством, утопающим в единых поборах насильственных

захватах с потерей жизни подвластных наш, что случилось уже в недавне от поступка генерал-майора Сычова, обладая нас таким образом мы и предки наши истощили все наше иждивение на пользу господствующих донцов, кои теперь довершая вероломство свое на истребление религии нашей и всего духовенства восстановили между оными вражду, посеянную на совершенное расстройство бедного народа сего где б удобнее было им воспользоваться предприятиями своими ко вреду и гибели нас относящимися и чтоб согласно разврата в нас мнимого в прямом смысле донести вашему императорскому величеству—одним словом, кичась и владычествуя над нами ровно как господаствовали над калмыкскою большею дербетовскою ордою, успокоенною воззрением покойно скончавшимся родителем вашего императорского величества государем императором Павлом Петровичем избавлением от такого ж нестерпимого ига их присоединением к единоверцам нашим в Астраханской губернии, обитающим под руководством государственной коллегии иностранных дел“.

По словам таганрогского градоначальника Компенгаузена, посланного в 1806 г. на Дон тайно расследовать положение калмык в войске Донском: „По общим слухам, генерал-майор Сычов при порученном ему следствии о пропавших лошадях и другом скоте поступил весьма жестоко, стараясь пытками и разными насилиями привести подозреваемых калмык к признанию... Калмыки и ныне еще переменяются в лице как только услышат о Сычове“.

Само собой разумеется, Габун Шарап защищал не интересы калмыцкого народа, а свои собственные: калмыцкие владельцы являлись агентами русского правительства и получали от него жалование.

Если экономической основой наемного войска XVI-XVII в. в. являлись жалование, грабеж и торговля, а всякого рода промыслы отходили на задний план, то в основе населения Дона XVIII века лежит земля, эксплуатация которой является основным источником существования. Правда, казачество продолжает получать жалование, и до конца XVIII века грабеж продолжает играть известную роль, но центр тяжести переносится на землю. Из наемного войска в XVIII веке казачество постепенно превращается в ведомственное крестьянство, находящееся в ведении военного ведомства, отбывающее за пользование землей различные натуральные повинности и, прежде всего, военную службу с двумя конями, вооружением и снаряжением. Но это превращение произошло не сразу, а представляет собою длительный процесс, растянувшийся почти на столетие.

Этот процесс представляет собою не эволюцию местного населения, а насаждаемую правительством систему. „Оказачивание“ населения, которое заключалось, как мы выше говорили, в предоставлении населению земли на праве пользования (а не на праве собственности) за отбывание натуральной военной повинности, являлось уже новой системой колониальной политики. Правительство не боролось с донским казачеством, а создавало его, вопреки общепринятому мнению. Донские же старшины, наоборот, не только всячески препятствовали оказачиванию пришлового населения, но даже закрепощали казаков. Известен факт, что сенат обратил в казачье состояние крестьянина, неправильно приписанного к крестьянству и закрепощенного одним из донских старшин.

К концу XVIII века ногайцы были оттеснены за Кубань, калмыки же кочевали по Дону. Основным моментом, отличающим колонизацию этого периода от предыдущего, является то, что, наряду с продолжением колониальной политики, проводимой вооруженной рукою, на Дону, начинается массовая колонизация невоенного характера — мирная, земледельческая. Массовый приток переселенцев на Дон начинается со второй половины XVII века, принимает значительные размеры к концу XVII века, а затем не прекращается до конца XVIII века, несмотря на всякого рода препятствия со стороны правительства. Впрочем, эти препятствия касались лишь беглых. Между тем, мы видим, что наряду с беглыми, которые, несомненно, составляли значительный процент населения, совершенно легальную колонизацию.

Прежде всего, правительство строит здесь с начала XVIII века ряд крепостей (Святой Анны, Таганрог и пр., не говоря уже об Азове). В этих укрепленных пунктах содержались не только военные гарнизоны, но правительство всячески привлекало туда мирное население, давало торговцам льготы, сгоняло для построек рабочих. В Воронеже Петром I было организовано адмиралтейство во главе с „адмиральтейцем“ Апраксиным. На Хопер и Медведицу, как это видно из материалов, относящихся к булавинскому восстанию, были согнаны крестьяне для рубки и сплава леса. В конце XVII и в начале XVIII века Дон представлял собою большую дорогу, где кипела жизнь и была сосредоточена масса самого разнообразного населения: солдаты петровских армий, бурлаки, всякого рода „деловые“ люди, мастеровые. Позднее вокруг крепостей, Новохоперской и Святого Дмитрия, земля раздавалась однодворцам, около Таганрога земля была пожалована грекам, которые были привлечены сюда, на Дону — армянам, которые были переселены из Крыма и которым были даны особые льготы. Ростовский уезд заселялся крепостными

крестьянами. Наконец, на Дон притекают так называемые „малороссияне“ из Слободских полков, а затем всякого рода „вольные“ люди, „сходцы“ из разных русских городов.

И в конце XVII и в начале XVIII века существовали вольные, гулящие люди, которые могли свободно передвигаться с места на место. В начале XVIII века эти „сходцы“ из Руси составляли значительную часть населения казачьих городков, а в некоторых случаях являлись их основателями. В то же время „тутошные прирожденные“ не были прикреплены к городкам и переходили из городка в городок. Так, по переписи стольника, Михаила Пушкина, в городке Донецком считалось паевых казаков 88 человек, при чем, „казаки всего того городка жители пришли в тот городок с Москвы, с Воронежа, с Козлова и с Костенска и из Ряска с Усмани, а иные у нас казаки родились с нашего городка и из иных казачьих городков приходили“. То же мы видим и в других городках, например, в Кремянском, где насчитывалось 90 человек паевых казаков „сходцы из разных русских городов из Тамбова из Козлова Крутойяка, а остальные тутошные прирожденные“.

Значение беглых в истории колонизации Дона преувеличивается и в начале XVIII века. В России того времени среди населения были лично свободные элементы, которые могли передвигаться с места на место, и эти элементы послужили основным колонизационным материалом. Мы знаем целый ряд биографий казаков того времени, которые говорят о том, что нет никакой необходимости прибегать к гипотезе о колонизации Дона преимущественно беглыми. Что касается правительственных мер борьбы с побегами на Дон, то они утратят свою исключительность, если мы учтем, что те же меры принимались и по отношению к Сибири: в конце XVII века на границе Сибири были устроены заставы для непропуска беглых. Из этого, конечно, не следует, что беглых не было, они были, но далеко не определяли собой состава населения Дона. Среди населения петровской и послепетровской эпохи мы встречаем, например, выходцев из Азова, возвращенного Турции, матросских детей, бурлаков. Последние составляли значительную группу населения Дона. Бурлаки являлись, во-первых, совершенно легальным населением, во-вторых — оседлым и постоянным. Во всяком случае с бурлаками мы встречаемся на Дону в течение всей первой половины XVIII века и даже позднее. Больше того, даже под микроскопом мы не установим резкой грани между казачеством и бурлачеством. Бурлак, продолжая оставаться бурлаком, мог служить казачью службу, а казачий сын мог оказаться бурлаком.

В начале XVIII века в некоторых казачьих городках бурлаки составляли более половины населения, вообще же их численность почти равнялась численности казаков. По переписи думного дворянина и воеводы Ловчикова в казачьих городках считалось:

Городки	Станичных казаков	Бурлаков
Бурлуцкий	30	12
Неврюевский	11	12
Черногай	21	19
Березовский	23	20
Заполяной	34	35
Раздоры	35	31
Скуриха	42	39
Усть-Медвидицкий	135	154

Эти цифры говорят также о том, что население городков, которые в этот период представляли собою земляные укрепления, было немногочисленно. Например, в городке Калитвенце, основанном в 1700 г., через три года насчитывалось лишь 9 человек паевых казаков.

Довольно пестрым является состав бурлаков, среди которых мы видим и казаков. По реестру „зажилых бурлаков“ в Средней станице в 1727 г. значилось:

Казаков	2
Казачьих сыновей	3
Выходцев из плена	1
Здесьних уроженцев	5
Поляков	3
Хохлачей	30
Пришлых из Ельца, Усмани, Глухова и т.д.	9
Прочих	3
Итого	76

Бурлаки служили в казаках, и ряд их числится „в службе“. В бурлаках мог оказаться и старожалованный казак. Например, в упомянутом реестре зажилых бурлаков мы читаем: „Латыш старожалованный казак Иван Кулоковский сшел он с Полши лет с двадцать в розыске писан в Старогригорьевской станице ныне живет своим домом“

Мы встречаемся с такими терминами, как „знатные“ бурлаки, „жалованные“ бурлаки, которые говорят о том, что бурлак далеко не всегда являлся наносным элементом. Бурлаки имели хутора, несли казачью службу, отправляли все общественные повинности. Ейск был населен бурлаками. Наряду с оседлыми бурлаками, мы встречаем иногда значительные группы бурлаков неоседлых. В верховых городках бурлаки составляли иногда

больше половины населения казачьих городков и надо полагать несли повинности по сплаву леса и всякого рода казенного груза по Дону и его притокам.

Несколько меняется состав бурлаков в середине XVIII века. Как видно из списка озимых бурлаков Средней станицы от 1754 г., подавляющее большинство их состоит из малороссиян¹, хотя встречаются среди них и казачьи сыновья. Большая часть живет в работниках и по казакам, некоторые живут своими домами и хуторами. Вот некоторые примеры: „Федор Прокофьев Касагов. Уроженец города Острогожска из Черкаска... живет в доме казака Луки Сулина имеет желание принять казачью службу“; „Петров здесь прозывается Ничипор Лотошник. Родился на Донце в Митякинской станице казачей сын имел справиться... живет Черкеской станицы в доме бывшего казака Афонасия Грекова“; „Федор и Егор... по прозванию черкесы...“; „Федор Гречак он же Иван Малой. Родился Прилуцкого полку в селе Охинки малороссиянин живет своим хутором с женою и детьми“.

Первоначально „малороссияне“, т. е. выходцы из Слободской Украины, входили в состав казаков или в состав бурлаков. С середины XVIII века бурлаки постепенно исчезают и, вместе с тем, малороссияне, положенные в 1763 г. в подушный семигивенный оклад, выделяются в особую категорию населения, но не национальную, а правовую, пополняя с одной стороны, казачество, с другой — кадры крепостного крестьянства. Как правовая категория, малороссияне исчезают в начале XIX века, частью будучи закрепощены, частью превращены в казаков, „оказачены“.

В 1782 г. в Средней станице числился 301 малороссиянин, из них к 1791 г. поступило в казаки 95, осталось 206. Таким образом за 10 лет в казаки поступила почти одна треть малороссиян.

Характерно, что почти до середины XVIII века мы их не видели, но из этого не следует, что их не было: они входят или в состав бурлаков, или в состав казаков, но особо не выделяются. В особую группу малороссияне вообще были выделены после того, как были положены в подушный оклад, который был распространен на Дон лишь с 1763 г. Эта группа населения по социальному составу состояла из казаков, подпомощников и посполитых и, как говорят материалы, иногда составляла половину жалованных казаков. Обычно при рассмотрении истории колонизации Дона делается очень грубая ошибка, а именно: выделение малороссиян в официальных документах в осо-

¹ Само собой разумеется, слова: „хохлачи“ и „малороссияне“ автор употребляет, как официальные термины описываемой эпохи, имеющие определенное содержание и считает излишним ставить их в кавычках.

бую группу рассматривается, как усиление притока малороссиян на Дон. Между тем, этот факт имеет совершенно другое значение. Он говорит лишь об изменении правового положения малороссиян, которые притекали и до этого времени, но, как мы уже указывали, входили или в состав бурлаков, или в состав казаков. Этот вопрос имеет существенное значение потому, что официальным историкам, опять-таки в целях обособления казачества, как особой группы, было необходимо отождествить крестьянскую колонизацию с малороссийской и провести между крестьянством и казачеством не только экономическую правовую, но и национальную грань. Между тем, до XIX века, несмотря на все ограничения, малороссияне входили в состав казачества, в то же время под именем малороссиян скрывались порой великороссийские крестьяне, беглые или имеющие основание скрывать свое происхождение. В то же время в состав донского крестьянства вошли значительные группы великороссиян. Во всяком случае, никакой национальной грани между казачеством и крестьянством не существовало, и малороссийская колонизация вовсе не тождественна с крестьянской колонизацией. Не подлежит никакому сомнению, что легализация крепостного права на Дону в конце XVIII века помогла донским крепостникам под видом „малороссиян“ узаконить и крепостных великороссов.

В 1763 г. по распоряжению комиссии о Слободских полках было переписано на Дону 20.422 человека „малороссиян“. Казаки и подпомощники были высланы с Дона, а „посполитые“ в количестве 17.836 человек написаны в подушный оклад на Дону. Значительная часть этих малороссиян была уже к тому времени фактически закабалена. Прикрепление малороссиян для платежа подушных денег к отдельным казакам лишь облегчало их юридическое закрепощение и явилось первым шагом в этом направлении. Значительное количество малороссиян уклонилось от переписи. В сохранившемся списке малороссиян того времени мы часто встречаем пометку: „бежал в 1763 г.“. Поэтому возрастание количества малороссиян к концу XVIII века объясняется в значительной степени не усилением притока малороссиян на Дон, а выявлением их. По 4-й ревизии в 1782 г. показано 26.579 человек, а по 5-й ревизии 1795 г. — 58.492 человека. Увеличение произошло за счет 31.913 человек, „пропущенных и явившихся из бегов“.

Перейдем теперь к Донскому казачеству. Нет никакой возможности до 1763 г. выделить казачество в совершенно обособленную группу. При всем желании мы не могли бы отделить казака от бурлака или, позднее, от малороссиянина. По упомянутой выше переписи Пушкина, посланного в 1703 г. в казачьи

городки, казаки состоят из „сходцев“ из разных русских городов, наряду с „тутошними“, „прирожденными“. Звание казака не являлось наследственным, и казачий сын мог оказаться в бурлаках. В то же время можно было отбывать казачью службу и оставаться бурлаком или после отбывания службы снова быть в категории бурлаков или малороссиян. Ни в отношении права пользования землей, ни в отношении отбывания общественных повинностей до 1763 г. резкой грани между казачьим и неказачьим населением не было.

В первой четверти XVIII века в казачью службу набирались самые разнообразные элементы. В 1726—28 гг. состав „жалованных“ казаков Средней станицы представляется в следующем виде:

Здесьних уроженцев	48
Казаков	2
Яицкий казак	1
Казачьих сыновей	15
Пришлых (живущих 17—30 и более лет)	59
Малороссиян или „хохлачей“	27
Выходцев из плена (болдырей)	12
Поляков	9
Армянин	1
Литвин	1
Грек	1
Матросский сын	1
Поповский сын	1
Не указано	33
Итого	211

Как видно из этих цифр, „здешние“ уроженцы составляли меньшинство, менее одной пятой части всего количества, и совершенно терялись в пестрой массе „жалованных“ казаков, состоявших преимущественно из пришлого населения.

Донской уроженец мог быть бурлаком, и пришлый „хохлач“ казак. В 1727 г. в Средней станице числился „Бурлак Степан... но оной родился в Вешенской станице...“, в 1728 г. в той же Средней станице числился „казак Григорий Иванов он хохлач...“ В 1763 г., т. е. вскоре после введения подушного оклада для малороссиян, в Средней станице числилось 36 человек малороссиян. Из них 22 человека имели ружья, 12 не имели (2-е неизвестно). Наличие оружия являлось показателем известного достатка. Из 12 человек, не имевших оружия, лишь 2 человека жили своими домами. Но у зажиточных малороссиян было все, что полагается иметь казаку. Так, Никита Петров „живет в своем доме—ружье саблю лошадей арчаки все имеет, торг имеет мучной“.

Малороссиянам, наряду с казаками, отводилась земля. В 1783 г. сбор Верхне-Рыковской станицы отвел землю под кухню

малороссиянину Ивану Ковалеву „в вечное и потомственное ему и детям ево владение“...

Набранное из самых разнообразных элементов войско Донское в XVIII веке не являлось многочисленным. В 1734 г. оно состояло из 16.805 человек, из них:

Старшин	27
Войсковых есаулов	2
„ дьяк	1
„ толмач	1
Станичных атаманов	110
„ есаулов	110
Казачков	15.028
Юртовых калмык	800
Базовых татар	126
Итого	16.805

В 1735 г. казаков, вместе с юртовыми калмыками, насчитывалось 15.724 человека. Незначительно возросло войско через 30 лет. Так, в 60-х гг. в войске было:

	1763 г.	1764 г.	1766 г.
Старшин	54	57	58
Казачков	18.970	19.164	18.960
Всего	19.218	19.270	19.088

В XVIII веке звание старшины являлось чином, например, мы встречаем такое выражение „старшинский чин“. Мы имеем список старшин от середины XVIII в., по которому мы можем судить, во-первых, о происхождении старшин, во-вторых, о способе приобретения старшинского звания. Старшины избирались в круг „вольными голосами“ из войсковых есаулов, затем производились в чин старшины военной коллегией и командующими армией—де-Ласси, Минихом—и, наконец, назначались атаманом, даже вопреки решению „круга“. Надо заметить, что „круг“ в этот период представлял из себя собрание „войсковых дел старшин“ и никакого народоправства в XVIII веке не существовало. В чин старшин производились и старшинские и казачьи дети, главным образом, после есаульства и за военные заслуги. Но это—формальная сторона. Экономической основой донской старшины являлся первоначально торговый капитал, затем скотоводство и с середины XVIII века—земледелие. Старшина, как общее правило, это—капиталист. Так, атаман Петр Емельянов после смерти оставил несколько лавок; известный в истории Даниил Ефремов имел, по словам одного иностранца, 82 пуда одного серебра, уже в период булавинщины старшины имели свои конские табуны. Старшины присвоили себе право постройки мельниц, винокурения, эксплуатации земли путем сдачи в откуп и т. д. В ру-

ках этой группы была сосредоточена фактическая власть и управление войском. Из старшин выбирались военные начальники, а затем и гражданские чиновники, начиная со старшин „по сыску беглых“. Это была торговая буржуазия, постепенно превращавшаяся в земледельцев-помещиков, немногочисленная, но экономически мощная группа, державшая в своих руках казачество.

В середине XVIII века мы видим тенденцию превращения „старшинского чина“ в наследственное звание. Из 54 старшин более одной трети (19 человек) происходит из старшинских детей, 28 из казачьих, 1—крещеный татарин и 6—неизвестно. В руках этой экономически мощной группы была сосредоточена власть над населением Дона и находилось фактическое распоряжение земельным фондом.

Впоследствии без санкции военной коллегии было запрещено производить в звание старшин. В правовом отношении старшины пользовались по сравнению с остальным казачеством привилегиями, затем указом Екатерины старшины были избавлены от телесного наказания, и, наконец, были сравнены с армейскими чинами и, таким образом, формально приравнены к дворянству. Необходимо заметить, что право выбирать начальников было предоставлено слободским полкам, так что в этом отношении никаких особых привилегий и преимуществ войску Донскому предоставлено не было.

Власть атамана в XVIII веке официальные документы называют почти неограниченной, и факты вполне подтверждают это положение. Эту немногочисленную знать отделяла от остальной массы казачества глубокая пропасть.

Уже тогда Дон не был „вольным“, и положение населения, в том числе и казачества, представляется далеко не в розовом свете. Вот выдержка из жалобы казака Евтифея Фатеева, характеризующая положение „вольного“ казачества в середине XVIII в.

„В 750-м году того же войска Донского старшина Петр Голый, приехав в станицу Мигулинскую, в которой он Евтифей, жителство имел обще с шурином его того ж Войска казаков Павлом Фатеевым и взял из дому их шурина его жену и его Ефтифея невестку Авдотью Игнатьеву якобы для некоторого допросу на квартиру свою, которую имел он голый в той же станице и за оного невесткою и он Ефтифей на его квартиру пришел в которой показанной старшина голый невестку его насильствовал блудно, а он Ефтифей в то время по приказу его Голова находящимися при нем писарем Никитою Михайловым и новокрещенным татаринном и калмыком привязан был к коляске и бит плетью и палками смертельно и потом обеих их выпустили и после того оной Голый от'ехал на ярмарку в Казанскую станицу.

из которой прислан был от него Голова в Мигулинскую станицу есаул, а как зовут не упомянет и взят им он Ефтифей и привезен в Казанскую станицу, где и отдан той станицы старшине Макару Грекову под караул.

У него ж Ефтифея имеются дети Филипп пятнадцати лет, которой находится в Черкасску у казака Степана Фролова в работниках". „Благородный“ старшина, как писалось в документах того времени, не имел лишь до конца XVIII века дворянского звания, хотя по существу ничем не отличался от дворянина, в которого он и превратился позднее формально. Этот момент имеет важное значение в истории аграрных отношений на Дону, так как отсутствие дворянских прав на владение землей и крепостными заставило донских старшин прибегнуть к другому способу расхищения земли и закрепощения населения. Этот способ заключался в передаче земли „войску“, т. е. тем же старшинам, в историческом обосновании войсковой земельной собственности. Право „Войска“ здесь заменяло дворянские права на владение землей и крепостными, оно служило ширмой для неограниченной власти старшин в распоряжении земельными богатствами Дона.

Но против этого, еще не оформившегося дворянства, стояло дворянство Российской империи, которое с завистью посматривало на донские земли и все же растащило значительную часть этих земель, а затем интересы колониальной политики, которые очень часто сталкивались с интересами донских старшин. Эта борьба незначительной кучки старшин в XVIII веке с государственной властью и российским родовитым дворянством рассматривается историками, как борьба за свободу и независимость Дона. Дело обстояло значительно проще: у донских старшин была в распоряжении земля, были крепостные, была в руках власть, т. е. было все то, что было у дворянства, но не хватало лишь признания за ними юридического права на власть, на землю и на владение крепостными. Лишь к началу XIX века относится юридическое оформление как донского дворянства, так и частного землевладения и крепостного права.

Обычно эволюция аграрных отношений на Дону рассматривается, как развитие общины, сохранившейся вплоть до революции, а образование частной собственности приписывается постороннему влиянию, не вытекшему из аграрных отношений на Дону. Между тем, борьба за землю донских старшин, начиная с Булавина и кончая братьями Грузиновыми, один из которых был казнен Павлом I в Черкаске для острастки донского дворянства, протекавшая под флагом защиты права войска на землю, являлась борьбой за частную собственность. Здесь мы имеем дело лишь с групповой борьбой, закончившейся полупобедой донских старшин, превра-

тившихся в дворянство. Эта борьба со временем Булавина преподносится историками, как борьба за независимость, народольцы даже в прокламации, выпущенной в 70-х годах XIX века, призывали донских старшин к борьбе с самодержавием во имя „свободы“. Формальное существование как войсковой собственности, так юртовой, станичной не мешало возникновению, развитию и существованию частной собственности на землю. Формальная сторона лишь затемняет действительное положение вещей и мешает понимать то, что было на самом деле. Эволюция аграрных отношений на Дону в XVIII веке заключалась именно в том, что частное землевладение получило преобладающее значение и развивалось даже не вопреки, а благодаря формальному существованию „войсковой“, собственности. Один из исследователей аграрного вопроса на Дону Вестчинкин, а вслед за ним и другие, относят возникновение частной собственности к XIX веку и первыми собственниками считают крестьян, выкупивших землю после ликвидации крепостного права. Во всяком случае такое положение, что частной собственности на землю на Дону не существовало, можно считать узаконенным в существующей по этому вопросу литературе. Перед нами стоит очень сложная задача разоблачить эту ложь, не имеющую никакой научной ценности, ложь которая служила лишь орудием в борьбе донских старшин за право на монопольное расхищение земель. Исторически сложившейся казачьей общины в действительности никогда не существовало. Общиной здесь называлась ведомственная земля, обмежеванная при генеральном межевании в одну межу. Это станет вполне понятным, если мы примем во внимание тот факт, что когда правительство уже в XIX веке приступило к внутреннему размежеванию земель в войске Донском, то тысячи десятин у отдельных владельцев отрезались, сверх положенной нормы, в войсковой фонд. Вряд ли кому-либо может прийти в голову назвать общиной такое землевладение, при котором в общественном пользовании станиц находится меньше земли, чем у частных лиц, при чем в пределах станичного юрта значительное количество земель точно так же принадлежит частным лицам. Все эти факты, если не хорошо, то достаточно известны, и, тем не менее, легенда об исторически-сложившейся общине продолжает существовать. Все внутренние процессы, вся борьба за землю замалчивается, замалчивается также обезземеление калмыцкого населения, у которого лишь в одном XIX веке отнято 1 милл. десятин земли. В данном случае исследователи-экономисты также добросовестно служили донскому дворянству, как служили историки, превращая жесточайшую борьбу за землю на Дону в эволюцию казачьей общины, ведомственную землю—в исторически-сложив-

шуюся общину, колоссальное неравенство—в равенство, расхищение земель—в отрицание самого существования частной собственности.

Вернемся, однако, к казачеству. На протяжении почти всего XVIII века по отношению к бурлакам, малороссиянам и казакам мы встречаем термин—„озимейный“.

По смыслу документов того времени „озимейными“ назывались те казаки, которые не отбывали военной службы по тем или иным причинам, а несли лишь станичные повинности. То же самое означали понятия „озимейный бурлак“, а затем „озимейный малороссиянин“. Иными словами, под именем „озимейных“ бурлаков, казаков и малороссиян надо подразумевать полноправных членов станичного общества, записанных в „озимейные книги“, именно „озимейность“ означала принадлежность к данному обществу. Например: „слывет озимейным такой-то станицы“. Здесь стиралась всякая грань между казаком, малороссиянином и бурлаком. Тот же бурлак, допустим, служивший в казаках, мог быть и казаком и бурлаком.

Бурлак и малороссиянин, точно так же, как и казак, имел и ружье и лошадь—такие факты встречаются. Сама по себе казачья служба требовала значительных предварительных расходов, и при зачислении на казачью службу давалось льготное время—несколько лет—на подготовку и обзаведение всем необходимым. Такой казак назывался „озимейным“. К концу XVIII века этот термин исчезает, и между отдельными группами населения устанавливается резкая правовая грань.

Войско Донское формировалось не только из различных групп местного населения—„озимейных“ казаков, бурлаков и малороссиян, но и из самых разнообразных элементов: пленных, выходцев из плена, всякого рода пришлых людей, не постоянных жителей Дона, как, например, посадских людей, матросских детей, выходцев из Польши, детей дворян, „незаконнорожденных“, бывших холопов и крепостных, солдатских детей и так далее. До конца XVIII века казак имел право нанять за себя на службу „наемщика“, при чем далеко не всегда нанимали казаков, а очень часто и неказаков. Лишь к концу XVIII века право найма было ограничено только наймом для себя казаков.

В наемщики шла казачья беднота. Например, 1789 г. за казака Василия Пастухова нанялся казак Дурновской станицы—Иван Болдырев „в рассуждение ево крайней бедности, чтобы впредь мог он к своей очереди быть исправным“.

Таким образом, казачество составляло лишь часть населения Дона, при чем войско Донское составлялось не только из казачества и даже не только из местного населения, но и не местных

жителей. Однако, управление станицей было построено по типу управления всей территории, на которой было расположено войско, правда, очень неопределенной и менявшей свои границы.

Если войско Донское, то-есть фактически незначительная группа старшин, вместе с атаманом—агентом центральной власти—сосредоточила в своих руках власть над всем населением, то в станице эта власть находилась в руках незначительной группы „стариков“, атамана и влиятельных казаков. Как видно из протоколов станичных сборов, последние состояли из незначительной группы, которая вершила все дела.

Сама по себе эта система для того времени не представляет ничего необычного. Но так как всякий желающий, бурлак или малороссиянин, мог получить оседлость в станице и стать казаком—резкой грани между казаками и неказаками не было до 1763 года.

Наряду с этим легальным населением, на Дону постоянно существовало нелегальное население, состоявшее преимущественно из беглых солдат или крестьян. В течение всего XVIII века правительством принимается ряд мер к сыску беглых, присылаются грозные указы, и тем не менее, это нелегальное население, численность которого неизвестна, было очень значительное.

Беглые крепостные приходили на Дон, бродили по станицам и хуторам, нанимаясь на работу, были совершенно бесправны, подвергаясь жесточайшей эксплуатации, именно в силу своего бесправия превращались в крепостных. Нуждавшееся в рабочих руках казачество, в особенности зажиточная его часть и прежде всего донские старшины, скрывало беглых на своих хуторах.

Не будучи до конца XVIII века дворянами, донские старшины не имели права на владение крепостными, за исключением отдельных лиц, которым было пожаловано дворянское звание, не имели на это право и казаки. Беглый крестьянин, которого скрывал старшина или зажиточный казак до поры до времени, а затем выгонял его, ничего не заплатив, был рабом в буквальном смысле этого слова. Нелегальное крепостное право на Дону было ужасней легального, потому что у беглого крестьянина не было абсолютно никаких способов защиты. Мы имеем описания странствований такого рода беглых крестьян по казакам и старшинам, и все они рисуют картину жесточайшей эксплуатации и грабежа беглых крестьян, пришедших на „вольный“ Дон. Нелепо и неверно представление о том, что беглые на Дону находили, как общее правило, приют и защиту или, по крайней мере, хоть сколько-нибудь улучшали свое положение.

Когда говорится о том, что „с Дона беглых не выдавали“, что старшины всячески уклонялись от выполнений требований

правительства о выдаче беглых, то из этого делается вывод, что „вольный“ Дон защищал угнетенных. Беглые с Дона не выдавались, потому что здесь существовало нелегальное крепостное право, что этих беглых закрепощали сами защиточные казаки и старшины. Здесь мы видим не защиту угнетенных, а замену одного порабощения другим. Численность этого населения, нелегально существовавшего до конца XVIII века, неизвестна. Но, во всяком случае, показываемый официальными цифрами быстрый рост крепостного права на Дону в конце XVIII века является не ростом, а выявлением.

Была ли между казачьим и неказачьим населением какая-либо экономическая грань?

Резкой грани, во всяком случае, не было. В документах того времени мы встречаем „знатных“ бурлаков, бурлаков, содержащих кабаки, а позднее малороссиян, имеющих хутора, дом и хозяйство. Ефрем Петров, заслуживший царскую милость при подавлении булавинского восстания, родоначальник фамилии Ефремовых, атаманов XVIII века, происходит из бурлаков, а Платов, оформивший донское дворянство, памятник которому был поставлен в Новочеркасске, происходит из малороссиян.

Однако, в XVIII веке мы видим, что оказачиваются наиболее мощные экономически элементы населения.

Уже в то время казачья служба требовала значительных расходов. Казак должен был иметь двух коней, ружье, саблю и все снаряжение. Само собой разумеется,—бедняку казачья служба была не по силам, поэтому казачество впитывало в себя экономически мощные элементы населения. В 1780 г. войсковая канцелярия послала указ о том, чтобы „велеть от приписанных по войску Донскому малороссиян отобрать справки, не возжелает ли кто из них вступить в казачью службу, рассматривая при том желающих, чтобы были хорошего состояния и могущие отправлять безостановочно казачью службу“. Таким образом, в рядах „малороссиян“ оставалась по преимуществу беднота, которую экономически закабалляли в качестве работников казаки и закрепощали старшины в качестве крепостных крестьян.

В 1754 г. в Средней станице большинство казаков имело работников, при чем большинство работников (67 из 83) составляли малороссияне. Среди работников мы встречаем и „закладных малороссиян“. Вместе с тем, старшины, как мы читаем в одном приказе атамана от 1778 г., „через партикулярные свои письма испрашивают от разных станиц приписных за ними малороссиян на переписку и жительство в хуторах их по их „прозбам станицы уважая от себя к ним увольняют...“ Этот

процесс ген.-ад'ютант Чернышев в своем докладе от 1826 года излагает следующим образом:

„С половины минувшего столетия, когда некоторые из атаманов, именно Ефремовы, были удостоены особенных отличий, и когда начал появляться новый, дотоле неизвестный класс чиновников в войске, внутреннее управление оного и положение жителей представляются уже в другом виде. Власть атаманов, постепенно возрастающая, сделалась наконец произвольною и неограниченной. В начале гражданское правительство, а потом войсковая канцелярия, учрежденная из донских чиновников для соблюдения в войске порядка, правосудия и привилегий оному дарованных, не только не старались преграждать самовластию атаманов, но по ложному толкованию доклада 1775 г., присвоив себе совершенно безотчетные распоряжения войсковое хозяйственностью, сами распространяли и утверждали оное еще более. Члены мест сих, и близкия к ним чиновники, в совокупности с Атаманами, устремились к незаконным стяжениям на счет своей собратии. Отстранив сословие казаков даже от того участия в местном управлении, коим в губерниях пользуются купцы, мещане и казенные поселяне и сделавшись по чинам своими всегдашними начальниками в полках и в войске, чиновники посягнули на прием к себе беглых людей, привлеченных на Дон во множестве. Сих бродяг, без всякого предварительного изволения и даже сведения вышнего правительства они начали селить на общественных войсковых землях, сперва под предлогом заведения хозяйственных хуторов и зимовников, а далее под названием поселков и слобод. В недолгое время такие поселения распространились повсюду и не только заняли лучшие пустопорожние места, но проникнули в тесную смежность и даже в самую средину станичных юртов, и вообще захватили выгоднейшие довольствия. Число крестьян, записанных за чиновниками и рассеянных по целому войску известно до 80 тыс. душ. Насилия чиновников простерлись до того, что они отняли у станиц до 5 тыс. и таких свободных малороссян, кои были уже причислены к станицам и как потому вследствие высочайше утвержденных решений государственного совета 1811 и 1814 годов, обращены снова в казачье сословие. Казаки, безмерно вытесняемые из коренных своих владений, лишились самых необходимых довольствий; но быв преследуемы и на службе и в домашнем быту, собственными своими начальниками, не находили никакой защиты. Притеснители отнимали у них самые способы к жалобам. Своевольство и неправосудие достигли высочайшей степени; все зависели от одного произвола местного начальства и от связей лиц оное составляющих. Потомки атаманов, членов

канцелярии, полковых командиров и других имевших случай начальствовать и теперь обладают важнейшими на Дону имуществами как по количеству крестьян, так и по обширности и выгодам захваченных земель. Число сих изобилующих владельцев, в отношении к общему числу донских чиновников, весьма малозначущее“.

Расхищение земель на Дону дворянством приняло огромные размеры после второй турецкой войны. Помещики заселяли захваченные земли крепостными крестьянами, количество которых на Дону быстро увеличивалось.

В 1782 г. было	19.123	чел.	крепостных
В 1795 г. „	54.628	„	„
В 1811 г. „	76.857	„	„
В 1816 г. „	78.891	„	„

Наряду с обезземелением казачества, происходило дальнейшее ограбление калмыков. В 1806 году таганрогский градоначальник барон Кампенгаузен, посланный разузнать „без всякой разгласки“, т. е. секретно, сведения о калмыках, в своем докладе писал: „За возвращением на Волгу всей Дербетовой орды, кочующие в земле войска Донского калмыки состоят, во-первых: из трех улусов Торютовой орды, и во-вторых: из так называемых Балецких калмык, последние в числе малом. Они недавно были переведены на Дон из Екатеринославской губернии и кочуют ныне по рекам Ее и Кагальнике. Первые же в прежния времена перешли на землю войска Донского и по переходе на оную кочевали начально на степях, лежащих на правом берегу Дона, кои тогда довольно для них пространы были, но как впоследствии времени Донские бояре начали с дозволением правительства более и более обсеять степь сию собственными своими крестьянами, и при том возрастающая Таганрогская торговля составила важное, для сих селений поощрение к распространению хлебопашества помянутая степь сделалась для кочующих калмык тесною и пребывание их на оной между селениями и хуторами стало неуместным. По сей причине нельзя неодобрить учиненный войсковым начальством в 1802 году перевод калмык на левую сторону Дона, где степь, лежащая между реками Манычем и Салом, менее еще обселена и, особливо по Манычу, менее удобна для хлебопашества. Но и здесь в скорости разпространение промышленности Донских жителей родило новые преграды вольности кочеванья калмыцкого народа. По всем почти ручьям и озерам Маныча, кои только имеют пресную воду и потому для скотоводства удобны, равно и по лиману самого Маныча, где обширные камыши представляют удобнейшия зимовья стадам и табунам, мало-по-малу Донские бояре завели

кошары или зимовники для собственных своих табунов и стад. Сверх того одна станица с правой стороны Дона перешла на устье Маныча, где она ныне строилась под названием Усть-Манычской станицы. Следственно лучшие места между Калмыцким зимовьем на Маныче, обращенное мало-по-малу в пользу войсковых жителей. Летом, когда недостаток пресной по Манычу воды и множество комарей принуждают калмык перекачевывать к Салу, то по той же причине переводятся туда и зимовавшие на Маныче табуны и стада Донских бояр. Сим обстоятельством и разными станичными хуторами и господскими селениями на самом Салу расположенными, и ежегодно более и более распространившимися наводит калмыкам и в летних их кочевьях некоторое стеснение, которое однако не может быть признано последствием неправильного завладения Донским войском собственности калмык“.

Юридическим оформлением закрепощения являлись „обязательные“ письма, превращавшие „вольных“ малороссиян в наследственных крепостных. Приводим образец такого письма:

„1780 года генваря 18 дня. Я подсим подписавшийся Малороссийского Миргородского полку Местечка Хороля житель приписной в указной подушной оклад в войске Донском за господином старшиною Васильем Никитиным сыном Грековым, малороссиянин Иван Иванов сын Оберемко, дал сие на себе обязательное письмо при ниже подписавшихся свидетелях, повторяемому господину старшине Грекову жене его Матроне Васильевой, и детям, в том, чтоб мне оженясь в законно купленной их дворовой женки Ксении Николаевой, со оною моею женою у него Грекова при доме или хуторе их жить добропорядочно тридцать лет, и не упражняясь в пьянстве исправлять нам всякую домашнюю работу, которая от него господина и госпожи равно как и детей их приказана и препоручена нам будет безвсякой нашей в томленности и нерадения, а в том нашем у них жительстве естли бог благословит нам прижить детей оных мужеска пола, ему господину старшине Грекову или по нем оставшимся жене ево Матроне Васильевой и детям, в такой же подушной семигивенной оклад записать за собою, и быть им повозврате у них безотлучно, также воуслужении да изясненного положенного термина, закоторых, равно как и за меня в казну в войско Донское подушныя денги платить ему господину старшине Грекову жене ево и детям все сполна бездоимочно; а женскому полу детям нашим оставатца наивсегда вечными его Грекова жене ево и детям во услужениях по смерти их Грековых, и в том нашем жительстве у него или по смерти их у детей их полагать на нас и детей наших обув и платье из

собственного их кошта, в случаеж нашего иногда в работе нерадения, пьянства и ослушности, подвергаем мы себя за то и телесному наказанию. Сиеж письмо писал спрозба реченного малороссиянина Обеременко войсковой канцелярии писец Андрей Греков. К сему письму вместо вышеупоминаемого малороссиянина Ивана Иванова Обеременко по прошению ево за неумением грамоте Павловской станицы казак Алексей При сем условии был и во свидетельство подписал походный есаул Павел Терезников. Принаписании сего был и во свидетельство подписал войсковой канцелярии писарь Семен Протопопов“.

Введение для малороссиян подушного оклада, которого не платило казачество, а также избавление казачества от уплаты пошлин, в особенности право беспошлинной торговли, привлекало в ряды казачества торговую буржуазию. Таким образом, казачество в XVIII веке впитывало экономически мощные элементы населения. Но лишь в начале XIX века казачество превратилось в обособленную группу населения, до этого же времени этой грани не было.

С последней четверти XVII века до конца XVIII века население Дона, несмотря на массовые переселения на Кавказ, а также огромные потери в людях во время булавинского восстания и непрерывные войны, постоянно возрастало. Здесь мы имеем дело не с естественным размножением, а с массовой колонизацией.

Таким образом, и казацье и неказацье население Дона, которое мы видим к началу XIX века, являлось пришлым. В этом смысле казацье население ничем не отличалось от крестьян: все население было пришлым. Надо совершенно отбросить ложное представление о том, что донское казачество, существующее в настоящее время, является потомством того казачества, которое было на Дону в XVI-XVII в.в. Никакой физической приемственности здесь нет, современное донское казачество не имеет никакого отношения к тому военному отряду, который стоял на Дону в эпоху царя Михаила Федоровича, кроме разве того, что оно живет на той же территории. И донское казачество и донское крестьянство,—мы не говорим о колонизации после 70-х г.г. прошлого века,—может вести свою родословную лишь с XVIII века, то-есть со времени массовой колонизации, массового оказачивания и закрепощения.

Кадры казачества и крепостного населения формировались из тех же самых элементов как великорусских, так и украинских. Исторические „традиции“, кастовая обособленность казачества не восходят дальше XVIII века и даже начала XIX века и непосредственно связаны с оформлением донского дворянства. Именно борьба последнего с центральной властью, то-есть фак-

тически с властью родовитого русского дворянства, которое не прочь было присвоить сулившие огромные выгоды земли Дона, выковывались и „исторические традиции“ и „самобытность“, и фальсифицированная история, и—самое важное, для чего все это делалось—было обосновано монопольное право на власть и расхищение земель. История являлась тем фундаментом, на котором стояло донское дворянство. Какому-нибудь Рюриковичу не нужно было прибегать к историческому грузу, здесь была фамильная генеалогия, из которой вытекали все права и на власть и на расхищение земель. Донские крепостники, превратившиеся в дворянство лишь в начале XIX века, взамен родословного дерева обосновывали свои права на расхищение донских земель и на власть при помощи истории.

В данном случае история и историки, создавая заведомо ложную теорию происхождения казачества, оперируя вымышленными жалованными грамотами, вроде мифической грамоты Иоанна IV, замалчивая факты хотя бы о существовавшем на Дону населении, о колониальной политике, о численности казачества—исторически обосновывали право донского дворянства на расхищение земель.

Весь громоздкий аппарат старинных грамот и всякого рода псевдонаучных изысканий был пущен в ход для того, чтобы донское дворянство смогло растащить около 5 миллионов десятин земли, закрепить население и бесконтрольно хищнически хозяйничать на Дону вплоть до революции.

ГЛАВА III.

Чтобы понять постановку аграрного вопроса в казачьих областях в XIX в. надо покончить с термином „казачья земля“.

Представление о казачестве, как об исторически сложившейся общине, о системе управления в казачьих областях, как о демократическом самоуправлении, и о казачьем землевладении и землепользовании, как об общинном,—совершенно неверно.

В начале XIX века донское дворянство грозило обезземелием казачеству и таким образом подрывалось под основы казачества, как системы колониальных войск. На этой почве между донским дворянством и правительством, заинтересованным в сохранении казачества, которое было необходимо для продолжения колониальной политики на Кавказе, вновь разгорелась борьба, продолжавшаяся в течение всего XIX века.

По докладу генерал-адъютанта Чернышева, который руководил работой „Комитета об устройстве войска донского“, землевладение и народонаселение на Дону в 1818 г. представляется в следующем виде:

„Народонаселение Донского края. Настоящее народонаселение Донского войска составляет:

- 1) служащие и отставные чиновники и дети их;
- 2) служащие и отставные урядники, казаки и дети их;
- 3) станичные и приходские священники и церковно-служители;
- 4) кочующие калмыки;
- 5) помещичьи и крестьяне и дворовые люди.

Количество земель оному принадлежащих. Пространство земли оного заключает в себе:

Удобной	12.314.431	десятина	1.829	сажен.
Средне-удобной	1.066.605	десятин	1.151	сажен.
Неудобной	822	десятины	925 1/2	сажен.

А всего 14.203.207 десятины 1.505 1/2 саж.

1 Всего неудобных земель по отдельным категориям владельцев насчитывается более 824.294 десятин. Очевидно, при снятии копии доклада, из которой сделана выписка, произошла ошибка. Копии докладов Чернышева хранятся в Новочеркасском архиве.

Из сего пространства ныне находится во владении казачьих станиц на 158.403 мужского пола и 146.362 женского пола душ:

Удобной	4.858.113	десятин	1.754	саж.
Средне-удобной	602.646	"	1.497	"
Неудобной	494.247	"	500	"

А всего 5.954.407 десятин 1.848 саж.

Чиновников на 78.281 муж. и 75.485 женского пола душ:

Удобной	3.351.567	десятин	2.250	саж.
Средней	25.852	"	848	"
Неудобной	182.688	"	1.646 $\frac{1}{2}$	саж.

А всего 3.792.448 десятин 2.321 $\frac{1}{2}$ саж.

Кочующих калмыков на 6.772 мужского и 6.850 женского пола душ:

Удобной	1.558.939	десятин	792	саж.
Средней	104.766	"	2.305	"
Неудобной	49.437	"	383	"

А всего 1.713.143 десятин 1.080 саж.

В общем довольствии частных конских табунов, где находится и помещичьих крестьян мужского пола 834 и женского 725 душ:

Удобной	317.539	десят.	99	саж.
Средней	4.194	"	1.066	"
Неудобной	29.397	"	192	"

А всего 351 130 десят. 135 $\frac{1}{2}$ саж.

Войсковых степей, занимаемых казачьими хуторами, поместьями чиновников и попасами скота:

Удобной	2.242.282	десят.	2.358	саж.
Средней	98 212	"	1.604	"
Неудобной	68.522	"	787	"

Итого 2.409.014 десят. 2.349 саж.

А всего . . 14.203.204 десят. 1.500 $\frac{1}{2}$ саж.

Таким образом, во владении станиц находилось 42% всей площади, а во владении дворян-помещиков и под частными табунами — 29%. Но в фактическом распоряжении дворян и хуторян находились и, так называемые, „войсковые“ степи, вместе с которыми в частном землевладении и землепользовании находилось 45% площади. Следовательно, к первой четверти XIX в. площадь частного землевладения и хуторского землепользования

на Дону превышала площадь общинного землевладения. Но помещики пользовались и общественными дольствиями. В своем донесении Александру I ген.-ад'ютант Чернышев в 1818 г. писал:

Тяжесть зла, причиняемого станицам, трудно исчислить, чиновники захватили во владение свое почти все лучшие сенокосы, пастбищные места, водопои и опустошают общественные леса, обстраивая из них поселки, хутора, мельницы и другие хозяйственные заведения.

Не удовлетворяясь тем, что сами и крестьяне их пользуются общественными дольствиями, из присвоенных земель многие отдают в откуп для попасов скота посторонним или своим казакам, а скот свой пускают в остальные станичные пастбища, если же казачий скот зайдет на захваченную ими землю, то берут за него с хозяев денежный выкуп.

Некоторые не допускают казаков пользоваться водопоями у них же отторгнутыми иначе, как за собственную плату, многие же из чиновников, устроив в юртах поселки и сверх того имея в онных же отдельные хутора получают, при том же и пай из общего станичного дольствия и пр.

Стесненные казаки тщательно прибегали с жалобами своими к войсковому и местным начальствам, которые быв. участниками зла сего, вели только наружную переписку, но не оказывали им никакой действительной защиты. От чего некоторые станицы вынуждались по неимению сена скот свой кормить незрелым хлебом и деревянными ветвями, или платить тягостный оброк кортомщикам за те же самые полосы, кои у них отняли и отдаются посторонним людям за деньги“.

Рядом с немногочисленным поместным дворянством к середине XIX века встала новая группа мелкопоместного и беспоместного дворянства, личного дворянства, получившего офицерские чины, и многочисленного чиновничества, которому была подчинена в военном и в административном отношении казачья масса. Так, до 1841 года было утверждено в дворянских правах 2.675 чел. обоего пола, а с 1841 г. по начало 1855 г. к этому количеству прибавилось новых дворян 3.416 чел. обоего пола, всего, следовательно, насчитывалось 6.091 чел., из которых 4.220 муж. пола. Вся эта масса новоиспеченных дворян по жадности не уступала старому дворянству, в докладах графа Чернышева определенно указывалось на растущую опасность роста нового дворянства. Этот новый слой, обычно именуемый „войсковыми чиновниками“, не менее поместного дворянства был заинтересован в поддержании легенды „об исторически сложившейся казачьей земельной общине“, т. е. о монопольном праве на расхищение земель войска Донского.

Иной, однако, была позиция правительства, стоявшего перед процессом обезземеления помещиками казачества, в существовании которого оно было заинтересовано. Далеко еще не была закончена Кавказская война, и к тому же обеспеченная земельным фондом и не требовавшая денежных расходов дешевая кавалерия была оценена по достоинству, как дешевое войско, — проблема модная в эпоху Александра I. К разрешению этой проблемы был направлен проект генерала Скаржинского, относящийся к началу XIX века, об организации донского казачества, поданный им царю. Сущность этих проектов сводилась тоже к обезземелению казачества, но не в интересах помещиков, а в интересах казны, превратившей землю в обеспечение содержания вооруженной силы, т. е. обусловившей пользование землей на Дону отбыванием военной службы со своим конем, вооружением и снаряжением. Такая система могла существовать лишь в условиях натурального хозяйства, экстенсивного скотоводства, в частности коневодства, и низкой военной техники.

Новую фазу борьбы донского дворянства с петербургскими бюрократами из департамента военных поселений, заинтересованными в сохранении казачества, как системы, и с российским дворянством открывает „Положение“ 1835 года и последовавшая за введением его деятельность комиссии по размежеванию земель. Обычно эта дата фигурирует как начало возникновения частной собственности на Дону. Так, Карасев в своей статье: „Донские крестьяне“ („Труды Донского стат. комитета“. Выпуск I, 1877 г.), на которого, правда, по другому поводу, ссылается в своей известной работе о крестьянах в эпоху Екатерины II, Семевский, пишет: „У нас на Дону связь, существующая между владельцами и крестьянами, выразилась в диаметрально противоположной форме — такой же связи в остальных губерниях России: там крестьяне пришли к помещику по земле, а у нас — земля по крестьянам“. Автор здесь делает ту ошибку, что юридическое оформление процесса развития частного землевладения рассматривает, как начало этого процесса. Так, в одном из протоколов комитета для составления проекта о войске Донском 1803 г. мы читаем: „Правительство Положением 1835 г. узаконило отчуждение только тех земель, которые были уже во владении помещиков, как совершившийся факт“. Правда, это, как мы увидим дальше, не совсем верно, но тем не менее, объяснение возникновения частной собственности на Дону волею правительства находится в вопиющем противоположении с фактами.

По отношению к „Положению“ 1835 г. донское дворянство проявило оппозицию. В этом нет ничего удивительного. Это „Положение“ вводило на Дону не что иное, как губернские учреждения,

с той разницей, что губернское правление именовалось войсковым правлением, губернатор—атаманом, предводитель дворянства—войсковым депутатом, казенная земля—войсковой и т. д., предоставляло дворянству право выбора чиновников, с преобладанием, однако, поместного дворянства. Это положение санкционировало частную собственность. Но самое существенное заключалось в том, что размежевание земель, т. е. распоряжение расхищением земель было передано из рук донского дворянства в руки петербургских бюрократов, в лице „высочайше“ назначенной „Комиссии по размежеванию земель“, подчиненной военному министерству, точнее—департаменту военных поселений. Так, в положении о военных поселениях (1843 г.) мы читаем, что в ведение 2 отделения по иррегулярным войскам входит: „Разграничении войсковых земель, наделение станиц юртовыми дольствиями; неприкосновенность станичных юртов или границ; удовлетворение чиновников пожизненными участками; раздача земель под общественные и частные табуны и зимовники“.

Существующая карта Донской области отнюдь не является результатом развития какой-то самобытной казачьей общины, а представляет из себя плод канцелярского творчества департамента военных поселений, который перекраивал станичные юрты, перетасовывал население, соединял станицы и т. п. Казаки-хуторяне загонялись в „общину“, дворяне получили такие же права на землю, какими пользовалось все дворянство, с некоторыми ограничениями, потом уничтоженными. Чтобы не быть голословным, приведем, может быть несколько длинную, выдержку, свидетельствующую о том, что действительным хозяином земель на Дону являлся департамент военных поселений:

„В представленном комиссиею (енваря 19 дня 1840) в департамент военных поселений, на утверждение г. военного министра, проект станичных юртов пяти окружных начальств Донского войска (кроме Черкасского, проект которого уже утвержден), а именно: Донецкого 1-го Донского, 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского сделано главное или общее распределение всех земель, в границах Донского войска заключающихся. По этому распределению, в каждом окружном начальстве назначены отдельными массами или пространствами земли, долженствующие поступить в частное владение, по двум разрядам: 1) во владение вечное и потомственное; 2) во владение временное или пожизненное. Число таковых отдельных пространств в каждом начальстве предположено следующее: в Черкасском 3, в Донецком 1 (составляющее более половины всего округа), в 1-м Донском 2, во 2-м Донском 5, в Усть-Медведицком 3, Хоперском 5, в Миусском 1, составляющее все пространство этого округа, за неболь-

шим исключением земли (под войсковыми лесами и для отвода к почтовым станциям). В каждом из этих отдельных пространств должны быть отводимы участки: поместным чиновникам—потомственные, беспоместным — потомственные и дополнительная по чинам их. Количество удобных земель в упомянутых массах, численное по планам с'емки 1822 года, по каждому начальству есть следующее:

В Черкасском	236.344	дес.	1.299	с.
В Донецком	866.388	"	2.096	"
В 1-м Донском	35.195	"	—	"
Во 2-м Донском	165.842	"	600	"
В Усть-Медведицком	101.233	"	884	"
В Хоперском	81.073	"	18	"
В Миуском	1.063.645	"	2.274	"
Всего	2.549.722	"	2.371	с., т. д.

Если мы примем во внимание, что дворянству фактически принадлежало значительно большее количество земель, которое оно успело присвоить, что оно бесконтрольно расхищало земельные богатства Дона, то оппозиционность дворянства станет вполне понятной, „Войсковая“ земля из дворянской превратилась в казенную ведомственную, и жадная свора новоиспеченных дворян из чиновников до 70-х годов не могла утвердить за собой в полную собственность земельных участков, которые раздавались в пожизненное и срочное пользование „по чинам“ от 200 до 1.600 десятин раздавались участки и меньше в 50 и 100 д. При обращении срочных участков в частную собственность в 1870 году 1 десятина земли расценивалась от 90 коп. до 2 руб. 70 коп., а участок в 200 десятин от 180 руб. до 540 руб.

Надо заметить, что при генеральном межевании землей наделались не только помещики донского происхождения, но и лица, „к войску не принадлежащие“, к которым земля перешла по наследству. Таким образом, дворяне наделались землей вне зависимости от происхождения.

В то время, как донские помещики успели расхитить огромное количество наиболее удобных земель, комиссия стремилась, во-первых, ограничить расхищение обычной нормой в 15—20 десятин на 1 душу крестьян мужского пола, существовавшей и в Ростовском у., Екатеринославской губ., во-вторых, отделить частное землевладение от общинного. В итоге этой операции донские крепостники должны были потерять огромное количество земель,—об этом говорят официальные данные комиссии. Приведем некоторые примеры. Под слободой Садковской сотника Краснощекова находилось 10.286 дес. 725 саж. удобной и 1.409 дес. 900 саж. среднеудобной и неудобной земли, тогда как при ме-

жевании ему причиталось на 379 душ крестьян по 15 десятин на душу 5.685 десятин, а 4.605 десятин должно было отойти Поселок Заподельский графа Платова в юрте станицы Багаевской занимал 26.779 дес. 75 саж. удобной и 3.498 дес. 275 саж. среднеудобной и неудобной земли, тогда как на 29 душ крестьян ему причиталось лишь 435 десятин, остальная земля подлежала отобранию. Под пос. Нижне-Себряковым у жены полковника Грековой находилось 9.748 дес. 450 саж. удобной и 931 дес., 600 саж. среднеудобной и неудобной, а на 108 душ крестьян причиталось по 15 дес. 1.620 дес., а 8.128 дес. подлежало отобранию. В итоге межевания крупнейшие помещики потеряли десятки тысяч десятин земли. Одной лишь удобной земли было вымежевано: у Бобрикова в сл. Березовой Маньковке 23.807 дес. в пос. Селивановском—12.118 дес., у полковн. Поздеева в сл. Гуляевке—13.917 дес., у Леонова в сл. Чистяковке—8.488 дес. и т. д.

Было бы наивно полагать, что донское дворянство без боя уступило свои земли и пошло на „самоограничение“. Таких идиллий в истории не бывает и деятельность Межевой комиссии превратилась в борьбу донского дворянства и петербургских бюрократов, при чем донское дворянство так запутало вопрос о землевладении на Дону, что в этом вопросе не могло распутаться ни областное правление, ни военное министерство, ни какое-либо другое учреждение. Не дают ответ на этот вопрос ни отчет атамана, ни данные Центрального статистического комитета. Именно и в этой путанице надо искать корней „особенностей“ казачьего землевладения и землепользования. Даже при определении земельной площади б. области войска Донского мы наталкиваемся на вопиющие несовпадения в различных официальных источниках. Генерал-майор Андреянов, ревизовавший в прошлом столетии деятельность межевой комиссии, натолкнувшись на эту путаницу, пришел к весьма пессимистическому выводу: „Отсутствие строгого контроля и порядка, пишет он, — в ведении отчетов как по работам, так и по составлению отчетных книг и ведомостей, объясняет причину, почему комиссия выпустила в настоящее время из рук своих все те капитальные сведения, на которых основываются экономические и административные соображения правительства, как, например: введение земства и друг. не менее важные вопросы“.

Мы не имеем верных данных ни о величине территории области, ни о размерах частного землевладения, которые тщательно скрывались, преуменьшались и запутывались в официальной отчетности. Земли на Дону расхищали не только дворяне-крепостники, но и всякого рода офицеры и чиновники, дослужившиеся до личного дворянства. Это расхищение земель продол-

жалось в течение всего XIX века. В итоге, земли, лучшие в почвенном и климатическом отношении и ближе расположенные к рынкам сбыта, оказались в руках дворянства. На долю казачества достались земли худшего качества, с большим процентом неудобных, отдаленные от рынков сбыта, а в „войсковом запасе“ остались, главным образом, неудобные земли. Эти земли точно так же находились в распоряжении дворянства, в середине XIX века ими распоряжались, так называемые, „войсковые депутаты“, т. е. предводители дворянства. Общее распоряжение землей было передано военному министерству, и первоначально распределением земель и установлением форм землепользования распоряжался... департамент военных поселений.

В то время как „Положение“ 1835 года санкционировало дворянскую частную земельную собственность, вопрос о праве станичных обществ на землю был решен в отрицательном смысле и казачьи земли составляли не собственность станиц, а собственность „войска“, т. е. казны. В 1914 году казачий отдел главного штаба писал атаману войска Донского о решении военного совета, что „собственником казачьих земель, какого бы они наименования ни были, является казачье войско, как юридическое лицо, а земли, отведенные станицам, состоят лишь в общинном пользовании станиц, не составляя их собственности. При этом не существует постоянного распределения земель на войсковые и станичные; войсковые запасы земли в случае увеличения населения, перечисляются в станичные, а станичные, например, при нахождении в их недрах ископаемых, могут перечисляться в войсковые запасные“. Таким образом казачество было обезземелено и сидело к революции не на собственной земле, а на казенной, находящейся в ведении военного министерства.

Общее представление об эволюции землевладения на Дону с первой четверти XIX века по 1913 г. может дать следующая таблица:

	1822	1913	+ —
1. Войсковая	2.409.014	1.005.515	— 1.403.499
2. Станичная	5.954.407	9.070.539	+ 3.116.132
3. Частновладельческая	3.792.448	3.377.989	— 414.459
4. Частное коннозаводство	351.130	944.136	+ 593.006
5. Калмыцкая	1.703.143	575.462	— 1.127.681
Итого	14.203.207	15.017.506	+ 814.299

Как видно из этой таблицы, увеличилась площадь станичной земли на 3.116.132 десятины и площадь частного коннозаводства на 593.006 десятин за счет увеличения общей площади на 814.299 десятин, сокращения войсковых земель на 1.403.499 дес., сокращения калмыцкой земли на 1.127.681 десятину и сокращения частновладельческих на 414.459 десятин. Однако, общая площадь частновладельческих земель и частного коннозаводства, взятая вместе, увеличилась на 178.547 десятин. Необходимо заметить, что увеличение площади станичной земли произошло в значительной степени за счет земель худшего качества и неудобных, тогда как частное коннозаводство отвоевывало у калмыков лучшую землю. Во всяком случае общинное станичное землевладение стало преобладающей формой лишь в течение XIX-XX веков.

ГЛАВА IV.

До 70-х г.г. XIX века на Дону существовала община без пределов, где дворянство хозяйничало так же, как и в пределах „войска“. Дворяне не только получали из общественной земли, так называемые пай, т. е. надел, причитающийся на каждого казака с 17-тилетнего возраста, но и захватывали лучшие земли и закрепляли их за собой в частную собственность. Таким образом, частная собственность на землю существовала и в пределах станичных юртов.

Благодаря соединению в руках дворянства гражданской и военной власти, сохранению дореформенной системы управления вплоть до революции, культивированию своеобразной кастовой идеологии, препятствовавшей классовой борьбе между казаками-крестьянами и казаками-дворянами, дворянству удавалось, хотя и не всегда, вести за собой обманутую казачью массу.

К середине XIX века дворянское землевладение на Дону занимало огромное место.

По отчету атамана в 1846 году общая площадь земель войска Донского распределялась следующим образом:

	Общая площадь	Пашня	Сенокос
Войсковая земля	4.255.553	234.004	3.654.359
В юртовых дольств.	5.392.165	1.273.215	2.752.906
В юрт. дов. с частным	535.215	34.975	410.673
Принадлеж. частным лицам .	3.976.633	768.174	2.722.093

Таким образом, принадлежало частным лицам и находилось в частном пользовании 3.132.766 десятин сенокоса, тогда как в общинном землепользовании казачьих станиц находилось лишь 2.752.906 десятин. Размер частновладельческой пашни был лишь немного меньше пашни станичной общественной: площадь станичных пашен занимала 1.273.215 десятин, а площадь, принадлежащая частным лицам и находившаяся в юртовом довольствии с частным, занимала 803.049 десятин. Если же мы учтем, что так называемая „войсковая“ земля находилась в фактическом рас-

поряжении войскового дворянства, то роль общинного землепользования на Дону значительно уменьшится.

	Пахотной	Сенокосной
Общая площадь	2.309 469	9.540.033
В уртовом довольствии	1.273.215	2.752.906

Площадь частного землевладения почти равнялась площади казачьего паевого довольствия. Между тем, частным землевладельцам, как мы уже говорили, принадлежали земли, лучшие в почвенном и климатическом отношении и ближе расположенные к рынкам сбыта. По годам площадь частного землевладения составляла: в 1823 г.—4.093.320 д., в 1846 г.—4.511.848 д., в 1905 г.—4.061.139 д. (Из последней цифры необходимо исключить земли, полученные крестьянами при ликвидации крепостного права).

Донское дворянство, как и дворянство вообще, к революции успело спустить большую часть награбленных земель. К революции в руках дворянства сохранилась лишь одна пятая часть земли, отведенной дворянству по официальным сведениям (неверным и неполным).

Количество дворянских земель на Дону.

Годы	Количество десятин
Отведено всего	3.052.886 дес. ¹
1883	2.341.559 дес.
1885	1.621.873 "
1895	1.611.784 "
1898	1.550.991 "
1901	1.476.541 "
1904	1.263.957 "
1910	840.872 "
1916	854.312 ² "

Как и помещики Европейской России, дворяне Северного Кавказа спускали свои земли, которые через крестьянский банк попадали в руки „чумазого“ сословия.

К революции из-под ног донского дворянства была выбита экономическая база, что видно из следующих цифр:

Общее количество частно-владельческих

земель (без кр. надельных)	2.606.802 дес.
Дворянских земель	654.311
Прочих	1.951.491 "

¹ Из них выделено крестьянам при ликвидации крепостного права 367.263.

² Из них заложено в дворянском банке 358.996 дес.

Кроме того, под именем „частного коннозаводства“ в Сальском округе существовали крупные помещичьи хозяйства, основой которых являлось не скотоводство, а производство хлеба для экспорта. Уже в 1893 году князь Меншиков, один из „коннозаводчиков“, получал дохода от 16.800 десятин, находившихся у него в аренде: от продажи лошадей—4.250 руб.; скота и шерсти—15.600 руб.; пшеницы и др. хлебов—240.000 руб.; сена—100.000 руб. Итого 359.850 руб. О размерах и характере „коннозаводческих“ хозяйств может дать представление экономия „торгового казака“ И. А. Королькова. Помимо коннозаводческих участков, он арендовал в 1915 году более 1.300 десятин войсковой земли за ничтожную плату по 3 руб. 37 к. и по 3 руб. 50 к. за десятину. В 1913-14 году он засеивал 500 десятин, в 1915 году—1.500 десятин. Все движимое и недвижимое имущество его оценивалось в 1916 году в 120.000 рублей.

В аренде у частных коннозаводчиков находилось к революции более 9.000 десятин удобной земли. В 1882 году арендаторы платили арендную плату 3 к. с десятины, в то время как арендная плата за землю достигала 1 рубля. Перед революцией арендная плата была повышена для восточной части до 20—30 к. и западной части до 60 коп. за десятину, тогда как обычная арендная плата превышала 2 рубля. Таким образом, правительство жертвовало коннозаводчикам огромную сумму денег. Частные коннозаводства представляли из себя мощные хозяйства капиталистического типа, широко применявшие наемный труд и являвшиеся поставщиками экспортных хлебов.

Обратимся к общинному землевладению и землепользованию. При наделении земель казаков во время генерального межевания правительство исходило не из исторического права казаков на землю, а из ведомственных соображений. В 1844 году департамент военных поселений разъяснил, что отставные нижние чины донского происхождения имеют право селиться в станицах и что им „предоставить право на общественное довольствие наравне с казаками“. Правительственные органы и официальная статистика давали неверные, преувеличенные сведения о размерах казачьего землевладения и о казачьем землепользовании. При вычислении размера подворного владения вся площадь юртовых наделов делилась на количество дворов, между тем, далеко не вся площадь юртов находилась в фактическом пользовании основной казачьей массы, а лишь часть, составлявшая на Дону в 1898 году 61% всей площади юртов. Остальная юртовая земля частью употреблялась на общественные и казенные надобности, связанные с военной службой казачества (например, для строевых табунов), а также составляла арендный

фонд. Значительная часть юртовых земель, причисленная к удобной, на самом деле была неудобной. Известная часть юртовых земель была присвоена наиболее зажиточной частью под сады (левады) и усадьбы и изъята из общественного фонда. Кроме того, в силу обширных размеров юртов, превышавших иногда 100 000 десятин, а также сложной системы переделов по хуторам и паевым казакам, благодаря хищничеству и произволу станичного начальства и кулачества, огромное количество земель—запасные фонды, часть толоки и пр., было также изъято из фактического пользования казачества.

В 1894—98 г.г. юртовые земельные довольствия в бывшей области войска Донского распределялись, по официальным данным, следующим образом:

Общая площадь удобных юртовых земель	7.469.782 д.	100 %
Из этого количества под толокой, усадьбами в запасе и т. д.	2.161.624 „	23 %
Под табунными отводами и в арендном фонде	708.590 „	9 %
В фактическом пользовании казачьего населения паевых наделов	4.599.568 „	61 %

С начала прошлого века до 1913 года казачье население возросло почти в пять раз: в 1820 году насчитывалось 158.403 души мужского пола, в 1913 году 721.598 душ мужского пола. Несмотря на прирост казачьего населения, площадь земли, находившаяся в фактическом пользовании казачества и удобная для ведения сельского хозяйства (пашни и сенокос, кроме толоки), почти не изменилась:

1823 г.	4.024.281 дес.
1846 г.	4.024.121 „
1894 г.	4.564.901 „
1914 г.	4.147.727 „

Вполне понятно поэтому, что за 100 лет обеспеченность казачества землей сократилась в соответствии с увеличением народонаселения.

Основная масса казачества, за исключением дворянства, являлась по существу так называемым „государственным крестьянством“, платившим за пользование казенной землей, взамен денежных налогов, натуральный налог, путем отбывания военной службы со своим конем, снаряжением, и вооружением, который к революции превратился в денежный налог.

Рост военной техники пред'являл к казачеству новые требования. В 1849 году для всех казаков была установлена единая форма вооружения и снаряжения. Натуральное казачье хозяй-

ство уже не могло удовлетворять эти требования, возрастало также количество денежных трат, да и само по себе натуральное казачье хозяйство разлагалось под влиянием денежного. Наконец, от экстенсивного скотоводства казачество переходило к земледелию, а вместе с тем сокращалась и площадь пастбищ. Кризис казачества, как системы, обнаружился в 70 х годах прошлого века. На земском собрании в декабре 1878 года гласный Я. Л. Тетервятников, указывая на "хозяйственный кризис", переживаемый казачеством, говорил: "...в отдельных станицах Донецкого округа целые тысячи десятин казачьей юртовой земли... перешли в руки кулаков и в этих станицах возник новый вид крупного землевладения рядом с зарождающимся среди казачества пролетариатом". По его словам, казаки, нуждаясь в средствах, сдавали свой пай на 10 лет за 25 рублей.

Заинтересованное в сохранении казачества, как системы колониальной политики, а также для несения полицейской службы, царское правительство организовало систему управления в казачьих областях таким образом, чтобы эта вооруженная сила содержалась не только за счет казачества, но и за счет неказачьего населения.

Отбывание казачьей службы обходилось казачеству очень дорого. Расходы на военную службу и связанные с нею издержки поглощали почти половину доходов среднего казачьего хозяйства. Средний доход на одну душу мужского пола в 1898 году равнялся 33 р 6. 58 к. Средний расход и потеря в хозяйстве на одну душу мужского пола казачьего населения, связанный с отбыванием казачьей военной службы, составлял 16 рублей. С развитием капитализма, казачья служба превратилась из натуральной в денежную повинность, составляя, по официальным подсчетам, налог в 1 руб. 40 к. на одну десятину земли.

Значительная часть казачества разорялась от тяжести натурального налога—военной службы. Неказачье население точно так же несло непосильные тяготы для содержания необходимой царизму вооруженной силы, платя аренду, посаженную плату и другие поборы.

Правительство создавало условия для перекладывания общественных и военных расходов на „иногороднее“ население, путем взимания „посаженной“ платы за усадьбу, сдачи в аренду земли и всяких других поборов. По официальным данным, из общего дохода иногороднего населения всякими путями отбиралась, примерно, $\frac{1}{3}$. Так, в 1877 году из 71.304 руб. дохода неказачьего населения Дона поступало казачеству 239.298 руб., т. е. 35.5%; в 1888 году, из 1.099.360 руб. поступало казачеству 396.658 руб., т. е. 36%.

Объединяя дворянство и государственное крестьянство под общим именем „казаков“ и создавая казачью кастовую идеологию, правительство и дворянство казачьих областей, с одной стороны, смягчали классовый антагонизм внутри казачьей системы, с другой стороны, внушали казачеству, что оно по отношению к остальному крестьянству и вообще „иностранному“ населению является особым привилегированным сословием. Сочетание военного и гражданского управления, служебная иерархия не только на службе, но и в быту, воспитание, а также фальсифицированная история казачества,—все это объединяло казачество и подводило под него исторический фундамент.

Рядовое казачество, получив в свое время от 16 до 30 десятин на мужскую душу, как говорят официальные документы, а на деле меньше, т. е., примерно, столько же, сколько получило при наделении земель государственное крестьянство многоземельных районов, к революции имело в фактическом пользовании значительно меньшую земельную площадь.

Капитализм разлагал как крестьянскую деревню, так и казачью станицу, при чем, однако, процесс разложения станицы был замаскирован. Казачество было неоднородно по своему классовому составу. Оно включало в себя и крупных капиталистов, связанных с иностранным капиталом, и значительное количество дерезенской буржуазии и, наконец, значительную часть бедноты, при чем основная масса казачества являлась середнячком.

Все эти разнородные группы были объединены обязанностью несения военной службы за пользование землей. Между тем, значительная часть буржуазии и разоренного казачества фактически была оторвана от земли. Этот процесс протекал в скрытом виде, что не мешало ему подрывать основу казачества,—именно, отбывание военной службы за пользование землей, т. е. нести „службу с земли“. Казачьи пай, брошенные оторвавшись от земли казаками или отобранные у бедноты в обеспечение отбывания военной службы, являлись огромным фондом, находившимся всецело в руках значительной кулацкой части казачества, которая выросла на этой системе и была заинтересована в ее сохранении.

Процесс разложения казачества принял значительные размеры уже к началу XX века. В 1898 году комиссия под председательством генерала Маслоковца, обследовавшая донское казачество, на основании обследования пришла к заключению, что 33,4% хозяйств не имеют возможности самостоятельно вести хозяйства и лишь 21,6% казачества может и вести хозяйства и отбывать повинности. К революции казачество разложилось очень

значительно. О разложении казачества могут дать представление следующие таблицы:

Количество рабочего скота на 1 хоз.	Количество хозяйств
0-1	65.697
2-3	70.428
4-5	53.819
6 и более	31.152

Некоторая часть казачьих хозяйств совершенно оторвалась от земли и принадлежала, так называемым, отсутствующим. Из общего количества 239.854 хозяйств к отсутствующим принадлежало 18.755.

Об этом же разложении свидетельствует значительное количество безынвентарных хозяйств, а также хозяйств, не имеющих достаточно инвентаря.

Хозяйств без инвентаря	32.747
С инвентарем вообще	188.352
С основным инвентарем	83.647

Значительное количество хозяйств совершенно не имело посева. Так, к революции без посева было 27.972 хозяйства с посевом—183.127 хозяйств.

То же самое подтверждают и данные по отдельным станциям, относящиеся к 1908 году. Так, в станице Кумшацкой недостаточных хозяйств насчитывалось 30%, середняков—42%, зажиточных и кулацких—28%, в ст. Николаевской—бедняков 25%, середняков—52%, зажиточных и кулацких—23%, в ст. Цымлянской—служащих и рабочих 11%, зажиточных—21%, бедных—27%, середняцких—41%. Таким образом, типичным для казачьего хозяйства является середняцкое, при чем точно также был значителен слой кулацких хозяйств, незаметно сливающихся с мелким дворянским землевладением.

О разложении станицы свидетельствуют также и данные об аренде земель. Из общего количества паевой, т. е. надельной земли в 3 897.019 десятин в арендный фонд поступало 1.266.796 десятин, т. е. немногим менее одной трети. Из общего количества хозяйств 230.854 сдавало в аренду 122.084, т. е. более половины, арендовало 98.266 хозяйств, снимавших всего 1.433.778 десятин. Следовательно, казачество еще приарендовывало землю, что видно из следующих цифр:

	Сдано казаками	Арендовано казаками
		всего
Хозяйств	122.084	98.266
Количество десятин	1.266.796	1.433.978

Основная масса земли, славяемая казачеством или оторвавшимся от земли, или не имевшим в своем распоряжении достаточного количества инвентаря и скота, поступала в руки кулацкой части казачества, что видно из следующих цифр:

Сдано казаками	Арендовано казаками у казаков
Количество десятин . . . 1.266.796	967.435

Казачьи кулацкие хозяйства широко применяли наемный труд, а батраки составляли значительную часть всех „иногородних“.

Со своих земель казачество платило земский сбор, который, впрочем, перекладывался на иногороднее население. Земские сборы в 1912—14 г.г. на Дону выражались в следующих цифрах:

Земли станичных обществ	892.309 р. 69 к.
Прочие земли	880.562 р. 93 к.
С имущества	461.858 р. 29 к.
Итого	2.242.751 р. 91 к.

Казачество платило от 8 до 21 к. за десятину из станичных капиталов, получая от казны пособие в 190.874 рубля.

К революции эта архаическая система „службы с земли“, унаследованная от XVI века, превратилась в денежный налог, тяжесть которого остро чувствовалась казачеством. Дифференциация казачества протекала усиленным темпом. Значительная часть рядового казачества сгибалась под тяжестью военной службы, требовавшей больших расходов на снаряжение, не даром сложилась поговорка: „Слава казачья, а жизнь собачья“. Известная часть казачества обуржуазивалась: казаки среди торговцев составляли на Кубани 10%, на Дону—25%, в казачьих округах Терека—почти 50% всех торговцев. Точно также выросло и казачье хозяйство капиталистического типа на арендованной у казаков земле.

В классовом отношении, казачество включало и дворян—помещиков и буржуазию всех мастей и оттенков от „торгового казака“ Парамонова до станичного кулака, и бедноту и, наконец, своего рода рантье (напр., жителей станицы Аксайской, целиком сдававших землю в аренду).

В казачьих областях края, так называемые „иногородние“, т. е. не казаки, составляли вместе с населением городов большинство населения, по отдельным районам это соотношение менялось, изменялся также и состав иногородних: в одних районах преобладали батраки, в других—арендаторы, частью капитали-

стического типа и т. д. Уже к концу XIX века в областях Донской, Кубанской и Терской насчитывалось жителей войскового сословия 2.754.885 человек, а невойскового сословия—2.863.647 человек.

Соотношение отдельных групп населения в области Войска Донского к революции представляется в следующем виде:

Казачье население	1.372.390
Коренное крестьянство	953.857
Население городов и поселений городского типа, окружн. станиц, рудников, фабричных поселков, станций	718.904
Иногороднее население в станицах и крестьянских волостях	457.059

По городам, станицам и волостям население распределялось следующим образом:

Города (без Ростова)	718.904
Станицы	1.681.914
Волости	1.101.312

Итого населения . . 3.502.210

В казачьих областях вплоть до революции сохранилась до-реформенная система управления и существовало вопиющее земельное неравенство между земельной обеспеченностью основной массы казачества и „коренного“, т. е. бывшего крепостного крестьянского населения.

При ликвидации крепостного права на Дону было 159.661 крестьян, получивших 560.338,6 дес. земли, частью частновладельческой, частью нарезанной из войсковой, т. е. казенной. Из них 120.674 души получили в среднем по 4,8 дес. на одну душу, а всего 507.653,71 дес., 24.363 души—по 2,03 дес., а всего 49.147,45 дес., 6.258 душ—по 0,4 дес., а всего 3.037,44 дес., осталось без земли 8,356 человек.

К 1917 году на Дону насчитывалось 144.000 крестьянских хозяйств, которые по количеству земли распределялись следующим образом:

Безземельных	15.652
0—4 дес.	68.000
4—10 дес.	39.000
10—100 дес.	30.348
	<hr/>
	144.000

Таким образом, огромное количество крестьянских хозяйств принадлежало к бедноте. В то время на Дону вырос значительный слой „столыпинских мужиков“—кулаков, перешедших на хутора и отруба.

Вот некоторые цифровые данные относительно проведения столыпинской „реформы“ на Дону по отдельным районам за время от издания указа 9 ноября 1906 г. по 1 января 1912 г.

	Число домохозяев, укрепивших землю	Количество десятин в круглых цифрах
1-й Донской	475	2161
Сальский	22	158
2-й Донской	66	334
Донецкий	2578	12256
Усть-Медведицкий	162	599
Хоперский	363	5116
Таганрогский	1079	4559
Ростовский	9151	55335
Черкасский	216	828
	14518	81847

Таких хозяйств в 1916 году насчитывалось уже 19.909, с площадью в 181.423 десятины, из которой на земли крестьянских обществ приходилось 120.017 десятин и на земли Крестьянского банка 61.406 десятин.

Перейдем к иногороднему населению.

К 1905 году по станицам насчитывалось иногородних: семей 32.266, душ м. п. 99.950.

Из этого количества было: хозяев 20.088 семей, 62.032 души м. п., а батраков 12.178 семей, 37.518 душ м. п.

Всего по отношению к казачьему населению иногородние составляли 20,3% семей, 17% душ м. п.

Таким образом, иногороднее население составляло почти $\frac{1}{5}$ часть населения станиц, при чем большинство этого населения, почти $\frac{2}{3}$ принадлежало к хозяевам, ведущим свое хозяйство и $\frac{1}{3}$ к батракам. По волостям иногороднего населения насчитывалось: семей 22.448, душ м. п. 82.121.

Из этого количества было: хозяев 15.223 семьи, душ м. п. 55.701, а батраков 7.226, душ м. п. 26.420.

По отношению крестьянству пришлое население составляло к семьям 19,7%, душ м. п. 20,2%. Таким образом соотношение между приписным крестьянством и пришлым населением крестьянских волостей, а также между количеством хозяев и батраков среди последней категории населения было, примерно, таково же, как и в станицах.

Общее количество неприписного населения в станицах лишь незначительно превышало количество неприписного населения в волостях.

Так, по станицам насчитывалось 32.266 семей, 99.950 душ м. п., а по волостям 22.449 семей, 82.121 душа м. п.

По данным 1915 года по станицам Донской области (без Черкасского округа) насчитывалось 26.832 хозяйства иногородних, из которых 11.440 вели хозяйство и 15.492 не вели хозяйства. Хозяйства эти не представляли из себя однородной массы, значительное количество составляли зажиточные и кулацкие хозяйства, на одном полюсе и значительное количество бедняцких хозяйств—на другом.

По скоту хозяйства иногородних распределялись следующим образом:

0-1 гол. рабоч. скота	4.486
2-3 " " "	3.300
4-5 " " "	1.989
6 и более " "	1.665

Иногороднее население имело лишь незначительное количество собственной наделной земли—всего 5.643 десятины. Хозяйство велось на арендованной земле. Из 26.832 хозяйств землю арендовало 11.202 хозяйства, лишь немного меньше всех хозяйств, обрабатывающих земли, которых насчитывалось 11.440. Эти хозяйства арендовали 330.042 десятины земли, из которой у своей станицы арендовали 158.519 дес., у общества 95.427 дес., войсковой—38.342 дес., у других станиц—33 063 дес. и частновладельческой—7.698 десятин.

Исключительное значение в области Войска Донского и вообще в казачьих областях края занимала аренда. Арендным фондом являлись целиком войсковые земли, затем значительная часть юртовых земель и почти треть паевых казачьих наделов, кроме частновладельческой. Арендвали землю прежде всего иногородние, почти совершенно не имевшие земли, затем крестьяне, имевшие землю в недостаточном количестве, и, наконец, казачество. По данным 1902 года иногороднее население арендовало:

Было в аренде у иногородних	
Войсковой	853.700
Юртовой	281.440
Паевой	272.947
Итого	1.409.087

Естественный прирост населения и приток иногородних увеличил спрос на землю и повышал ее покупную и арендную

стоимость. С другой стороны, правительство сокращало арендный фонд войсковых земель, перелагая ее в наделы станичных юртов и изгоняя арендаторов. Наконец, дворянские земли, сдававшиеся в аренду, поступали в руки владельцев, самостоятельно ведущих хозяйство. К революции площадь сдаваемых в аренду иногороднему населению земель сокращалась. Иногороднее кулачество выходило из положения, имея возможность покупать или арендовать землю по повышенным ценам, но огромная масса мало-земельного крестьянства и безземельного иногороднего населения оказалась в критическом положении. Это понимало и правительство, приступившее к переселению крестьянства в Сибирь, Амурскую область, Туркестан, Закавказье и т. д. Средняя продажная цена по области постоянно росла, так: в 1900—1902 г. г. десятина земли стоила 83,12 руб., в 1903—1905 г. г.—122,39 руб., в 1906 г.—129,42 руб., в 1907 г.—135,46 руб.

Особое место в области Войска Донского занимали так называемые, „временные поселения“. По официальным данным, начало образования некоторых из этих поселений относится к эпохе крепостного права, когда помещики переманивали к себе крестьян. После ликвидации крепостного права это население осталось на той земле, которую занимало и продолжало жить на ней до революции; помещики же, как это практиковалось в области Войска Донского, бросали крестьян без земли и получали землю в другом месте. Другую часть населения „временных поселений“ составляли бывшие арендаторы войсковых участков, безземельные крестьяне, осевшие на свободных землях, и занимавшиеся там землепашеством. В предреволюционные годы, земли, на которых были расположены эти поселения, были прирезаны к станичным юртам. „В настоящее время,—читаем мы в одном официальном документе от 1912 года,—дальнейшее нахождение поселения на войсковых участках становится невозможным, и станичными сходами составлен целый ряд приговоров о выселении поселенцев, которые не оставляют занятые ими земли, так как временное поселение имеет все признаки поселений постоянных. В отдельных случаях о выселениях уже состоялись вошедшие в законную силу решения суда, но приведение приговоров в исполнение оказалось крайне затруднительным, так как грозит полным разорением поселенцев, в большинстве и без того малосостоятельных. Такое положение дела ставит в затруднение местную администрацию и может вызвать обострение отношений между казачьим и пришлым населением“.

Большинство временных поселений находилось в 1-м и 2-м Донских и Сальском округах. Население этих временных поселений не представляло из себя однородной массы. Так, поселок

Секретовский, Сальского округа, состоявший из 32 дворов, арендовал участок 1.065 десятин, имел 70 лошадей, 324 штуки рогатого скота и 400 овец. 4-5 домохозяев арендовали от 160 до 200 десятин земли. Другой пример—поселок Секретовский, Яновской волости, Донецкого округа. Здесь 27 хозяев арендовали 689 десятин земли. В среднем приходилось на двор 25,5 дес., а на одну душу мужского пола—7,1 дес. По количеству арендуемой земли хозяйства распределялись следующим образом:

Одна усадьба	2
1— 5 десятин	3
6— 10 десятин	6
11—25 десятин	9
26 десятин и более	5
Не указано	2

27

По количеству рабочего скота хозяйства распределялись следующим образом (принимая одну пару волов за одну лошадь):

0 1	3
2-3	10
4-5	5
6 и более	9

27

Если мы возьмем безземельное население области Войска Донского, то увидим, что среди этой части населения, во-первых, почти нет казачества и, во вторых, что в эту группу входит огромный процент так называемого иногороднего населения, рассеянного по станицам и волостям, а также значительная часть крестьянства. Представление об отношении количества безземельного населения к каждой группе населения Донской области может дать следующая таблица:

	Всего населения	Безземельных
Казаки	1.349.746	692
Иностранники-казаки	22.644	83
Коренные крестьяне	953.857	102 375
Посторонние в волостях	147.456	124 633
Иногородние в станицах	309.604	295 690
Итого	2.783.306	523.393

Таким образом, иногороднее население в станицах, занятое в сельском хозяйстве, почти совершенно не имело земли, не имела земли также значительная часть коренного крестьянства и прошлого населения крестьянских волостей, тогда как среди казачьего населения процент безземельных настолько незначителен, что его можно не принимать во внимание. Вполне понятно по-

этому, что в борьбе за землю иногороднее безземельное население шло в авангарде.

Однако, между безземельным крестьянским и иногородним населением имеется существенное различие. В то время как безземельное крестьянство представляет из себя в значительной части бедноту, образовавшуюся в процессе дифференциации крестьянства в послереформенный период,—иногороднее безземельное население включает в себя все группы арендаторов—от мелких, находившихся, буквально, в кабальной зависимости от казаков-кулаков до иногородних кулаков-посредников, снимавших огромные площади войсковой, юртовой и казачьей пашенной земли и сдававших ее в аренду мелким арендаторам (субарендаторы) и крупных иногородних хозяйств капиталистического типа, которые вели на арендованной земле, при помощи наемного труда, типично-капиталистическое хозяйство. Однако, эти различные в классовом отношении группы иногороднего населения в основном вопросе—в борьбе за землю—выступали на Дону единым фронтом и между ними не всегда проводилась грань.

Значительная часть иногороднего населения занималась сельским хозяйством на арендованной земле и составляла кадры батраков и пролетариата. Необходимо отметить, что среди иногородних арендаторов, а также среди крестьян существовало значительное количество арендаторов капиталистического типа и „столыпинских мужичков“, но они объединялись под именем „иногородних“ с безземельной беднотой и батрачеством.

К „иногородним“ относились также буржуазия, помещики и арендаторы капиталистического типа, которые были заинтересованы в уничтожении существовавшего в казачьих областях аграрного строя, препятствовавшего развитию капиталистического земледелия. В этом был заинтересован также и иностранный капитал, имевший вложения в нефть и уголь Северного Кавказа, по преимуществу английский, французский и бельгийский.

В Донецком бассейне, например, к концу XIX века 70% добычи угля находилось в руках иностранных акционерных обществ, что видно из следующих цифр.

	Количество рудников	Добыча	% %
Донецкий бассейн	270	178.500.000	100
Иностран. акц. о-ва	9	—	70
Казаки	69	—	14
Иногородние	192	—	16

Таким образом, 70% добычи угля Донецкого бассейна находилось в руках девяти иностранных акционерных обществ.

Казачья буржуазия, например, известный углепромышленный „торговый казак“ Парамонов, была связана с иностранным капиталом. Этот союз казачьей, иногородней и иностранной крупной буржуазии выступил в обнаженном виде в эпоху гражданской войны, когда в эпоху Деникина при разделе сфер влияния между Францией и Англией, Донецкий угольный бассейн вошел в сферу влияния Франции. Казачество было использовано для защиты интересов иностранной буржуазии, приказчиками которой являлись казахи и иногородние углепромышленники. Разжигая вражду между казаками и иногородними, между иногородним пролетариатом, крестьянской беднотой и мелкими арендаторами—иногородними—с одной стороны, и казачьей беднотой, а также находившейся всецело под гнетом и во власти крупнейших иностранных экспортеров середняцкой массы казачества, с другой стороны, буржуазия как казачья, так иногородняя и иностранная заключила союз для защиты своих классовых интересов.

В руках иностранного капитала находились банки, важнейшие отрасли промышленности, транспорт и экспорт хлеба. В руках „иногородней“ буржуазии находились менее важные отрасли промышленности и торговли. Иногородний город повернулся к земледельческой станице, т. е. к основной массе середняцкого казачества прежде всего, как эксплуататор и капиталист. Торгово-промышленный оборот одного лишь Ростова на Дону превышал оборот торгово-промышленных заведений всех станиц области. Так, в 1898 году весь оборот по станицам равнялся 27.405.527 руб., а Ростова—152.731.700 руб.

В станицах иногородняя и казачья буржуазия одинаково эксплуатировали казачье и иногороднее население, казак-кулак и иногородний кулак в равной степени обирали казачью и иногороднюю бедноту, при чем, однако, иногородняя торговая буржуазия в станице являлась более мощной, чем казачья. Предприятия иногородней буржуазии были, во-первых, крупнее, во-вторых, на иногородних в конце XIX века, в общей сумме оборотов торгово-промышленных заведений приходилось более $\frac{2}{3}$ оборота.

Уже к концу XIX века Северный Кавказ, в частности, бывшая область Войска Донского, являлся по существу филиалом иностранного капитала, а туземная как казачья, так и иногородняя буржуазия, являлась приказчиками иностранной буржуазии. В 1898 году в бывшей области Войска Донского насчитывалось 25 акц. обществ с основным капиталом 75.079.500 руб. и 114.500.000 франков, с годовым оборотом в 3.569.878,7 тыс. руб. В состав правлений входило: иностранцев—44, казаков—6, прочих—51. Таким образом, иностранная, иногородняя и казачья буржуазия эксплоа-

тировали одинаково как иногородний пролетариат, так и тех обнищавших казаков, которые шли работать на рудники.

Иностранный капитал являлся могучим рычагом, превратившим Дон в хлебную фабрику. Наличие портов—Ростов и Таганрог—содействовало вовлечению Дона в мировой хлебный оборот. За 10 лет, с 1885 года по 1895 год, вывоз хлеба из Ростовского порта увеличился почти вдвое: в 1885 году вывезено 35.895.280 пуд., в 1895 году—63.450.000 пуд.

Значение экспорта хлеба из Ростова ко всему экспорту России видно из следующих цифр: Ростовский порт—10%, остальной экспорт—90%. Почти весь экспорт из Ростова находился в руках иностранных экспортеров, которым принадлежало 76,5% вывоза зерновых продуктов, тогда как на долю русских экспортеров приходилось 23,5%.

Иностранный капитал не только сосредоточил в своих руках экспорт хлеба, но и протянул щупальцы к станицам и выкачивал хлеб непосредственно от хлеборобов как у казаков, так и иногородних. В 1898 году из 432 торговопромышленных заведений, принадлежащих иностранцам, 74 занимались торговлей хлебом, на долю этих предприятий из общей суммы оборота 57.101,6 рублей приходилось 42.982,6 тыс. рублей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Итак, казачество, жившее на территории Дона в XVI-XVII веках, не имеет никакого отношения к современному казачеству. Обычное представление об истории заселения Дона, которое сводится к тому, что здесь первоначально зародилось и исторически развивалось казачество, и лишь позднее к этому основному, так сказать, туземному населению прибавлялись те или иные группы национальные (малороссияне), или экономически-правовые (крестьяне) совершенно неверно.

Казачьи войска, как система колониальной политики господствующих классов дореволюционной России, начали складываться с XVI века. Первоначально в XVI-XVII веках Донское, Терское, Яицкое (Уральское) и Волжское войска представляли собой наемных солдат, поставленных в важнейших военных пунктах, господствовавших над торговыми путями. Войска эти образовались не самопроизвольно, а по воле торгового капитала Московского государства, именно там, где было необходимо торговому капиталу, боровшемуся в этот период за торговые пути на Восток и монопольное обладание восточным рынком.

Войска на Дону, на Тереке и на Яике были поставлены на важнейших торговых путях, по которым с древнейших времен шла торговля между Востоком и Западом. Торговый капитал Московского государства закупорил эти торговые пути и направил торговый поток по новому пути—Астрахань—Архангельск. Организация казачьих войск на Дону и на Тереке являлась лишь необходимой частью общего плана по захвату персидского рынка и торгового пути по Волге.

По мере закрепления территориальных приобретений, эти наемные войска с переменным составом были реорганизованы в постоянные „нерегулярные“ войска и несли пограничную службу со своим конем, вооружением и снаряжением за пользование землей. Такая система закрепления вновь завоеванных территорий практиковалась на Дону и на Кавказе до конца кавказских

войн и была перенесена на восточные границы государства (напр., Дальний Восток, Средняя Азия).

Правительство насаждало и уничтожало такую систему в соответствии с задачами колониальной политики, формируя казачество из тех элементов, какие были под руками. Способ формирования, национальный и социальный состав казачества менялись на протяжении веков, незыблемой оставалась лишь социальная функция казачества, как орудия колониальной политики господствующих классов Московского государства, а затем Российской империи.

В дальнейшем казачество было приспособлено для несения полицейской службы как по отношению к горцам, так и по отношению к другим угнетенным национальностям (например, Польша), где были расположены казачьи части, а также по отношению к пролетариату и крестьянству. Казачьи части были расположены в крупных рабочих районах, в столицах, нанимались на службу к помещикам, правительство поощряло поступление казаков в городовые и стражники.

Сочетание военного и гражданского управления в казачьих областях, огромная роль дворянства, которое распоряжалось землей и фактически держало в своих руках власть над остальным казачеством, превращало казачью массу в слепое и тупое орудие помещичье-царской России. Управление казачьими областями вплоть до революции сохранило в значительной степени дореформенный характер, при чем сама по себе „служба с земли“ являлась уродливым анахронизмом даже с чисто военной точки зрения.

Развитие капиталистических отношений, вовлечение казачьего хозяйства в водоворот денежного хозяйства убило казачество, как военную систему, т. е. как государственное крестьянство, отбывающее за пользование казенной землей своеобразную натуральную повинность—несение военной службы со своим конем, вооружением и снаряжением. Такая система, мыслимая лишь в условиях экстенсивного скотоводства, натурального хозяйства, низкой военной техники и крепостнического уклада, не могла существовать в условиях развитого капитализма, и натуральная повинность превратилась в единовременно уплачиваемый очень тяжелый денежный налог, частью возмещаемый государством (выдача до войны 100 руб. на покупку лошади).

Так называемые привилегии казачества, т. е. по существу привилегии дворянства и буржуазии, вышедшей из рядов казачества, превратились или в архаизм (напр., право беспошлинной торговли, которая имела значение лишь при наличии средневековых внутренних таможен), или превратились в фикцию (напр.,

освобождение казачества от налогов, при изменении всей налоговой системы). Более того, к революции казачество не только не пользовалось в правовом отношении привилегиями, но, наоборот, находилось в более бесправном отношении, чем остальное крестьянство в России: круговая порука, запрещение выхода из общины, запрещение отлучаться более, чем на год, полукрепостная зависимость от военного ведомства, отсутствие самоуправления даже в том виде, в котором оно существовало у крестьянства,—все это превращало казачество в остаток дореформенного строя, когда еще существовали, так называемые, „ведомственные“ крестьяне.

Ко всему этому следует прибавить, что казачество, помимо отбывания натуральных земских повинностей, а также повинностей, вытекавших из военной службы—содержание строевых и конноплодовых табунов и т. д.—платило земству денежный налог за землю, при чем за станичными обществами накопились значительные недоимки.

Название казачества „сословием“,—термин, значение которого в русском законодательстве очень неопределенно, — ведет свое начало от дореформенного строя, когда существовало деление на податные и неподатные сословия, когда казачество, как неплатившее, подобно крестьянству, подушного оклада, причислялось к неподатным сословиям.

В законе о состояниях 1857 года, где население делится на 4 группы: дворянство, духовенство городских и сельских обывателей, казачье дворянство причислено к дворянству, а основная масса казачества, если не прямо, то косвенно, к сельским обывателям, т. е. к крестьянству. Правовое положение казачества ничем существенным не отличалось от правового положения крестьянства, именно государственного крестьянства. Точно так же казачество, в том числе и донское, никоим образом не может быть обосновано в качестве особой национальности: оказачивание и расказачивание населения — факт экономически-правового характера, — это настолько ясно, что вряд ли приходится доказывать. На Дону, например, были оказачены калмыки.

Вместе с ликвидацией колониальной политики отмирает и орудие колониальной политики—казачество, как система колониальной политики на восточных окраинах России, выросшая в условиях экстенсивного скотоводства, натурального хозяйства и низкой военной техники. История казачества есть не что иное, как вариация этой системы на различных этапах экономического развития помещичье-буржуазной России и ее колониальной политики.

Ита
веках, н
Обычно
сводится
чески р
ному, та
иные гр
правовы

Каз
ствующи
с XVI в
Яицкое
емных
господст
лись не
сковског
вому ка
Восток и

Вой
важнейш
шла тор
Московс
вил тор
Организ
необходи
ка и тор

По
наемные
постоянн
со своим
землей.
рий прав

Н 185164

Центральна нау.
бібліотека ХДУ
1949. 10.

УДК
13350

